

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

ЦЕПИ ЕГО ДУШИ

18+

Марина Эльденберт
Цепи его души
Серия «Леди Энгерии», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48483936

SelfPub; 2023

Аннотация

Есть тайны, которые сводят с ума. Есть маски, под которые лучше не заглядывать. Есть мужчины, от которых лучше держаться подальше. Эрик – один из них, но именно рядом с ним мне отчаянно хочется нарушить все правила и запреты. Шагнуть за грань, чтобы узнать его настоящим. Помочь ему сбросить цепи, которыми опутано его прошлое. Цепи его души.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Его тьма	12
1	12
2	28
3	41
4	58
5	73
6	92
7	114
8	138
9	166
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Марина Эльденберт

Цепи его души

Пролог

Когда скрипнула дверь, старший констебль Фетрой поднял голову. Впрочем, тут же подскочил и вытянулся по струнке: перед ним стоял сам комиссар Лайдгэн. Невысокий мужчина с прилизанными светлыми волосами, зачесанными назад. Усы и бороду он не носил, от бакенбардов тоже отказался, что придавало главному полицейскому Лигенбурга довольно моложавый вид.

– Вы подготовили документы по делу? – хмуро поинтересовался он.

– Да, разумеется, но мы не ждали вас так скоро...

– Мы тоже не ждали. Некромант из Королевской службы безопасности прибудет через четверть часа.

Старший констебль слегка побледнел. Сотрудники Королевской службы безопасности занимались преимущественно внешней политикой, шпионажем и прочими далеко не рядовыми делами. В том, что их заинтересовало дело об убийстве, а точнее, убийствах (не далее как вчера было совершено третье), чудилось что-то зловещее. В принципе, любое

убийство можно назвать зловещим, и за годы своей службы старший констебль многое повидал, но в деле «О змее», как его называли в полиции, изначально было нечто особенно жуткое.

Все три девушки были молодыми, если не сказать юными. Все три девушки были бедны и работали с утра до ночи. Все три девушки были довольно свободных нравов, не отказываясь принимать знаки внимания от молодых людей. Все три девушки были найдены полностью обнаженными и умерли от удушья (от яда змеи), хотя официальная версия для журналистов была такова, что девушек задушили. Подобное расхождение всегда дается намеренно, чтобы в случае попытки скопировать убийство можно было отличить почерк. Всем трем девушкам вокруг шеи оборачивали мертвых змей. И, наконец, все три девушки были рыжими.

От этих змей на хрупких женских телах по коже шел мороз. От змей, а еще от мыслей о том, что эти несчастные девочки пережили перед смертью.

– Здесь все. – Фетрой подвинул комиссару несколько папок, в которые заранее собрал все материалы по делу.

Хотя признаться, их было не так уж много. Убийца не оставлял следов, а все, что он оставлял, скорее было жестокой насмешкой и дерзостью. Например, на первом месте преступления нашли обрывки веревки, которой связали жертву, на втором – туфельки погибшей (вся одежда исчезла бесследно), на третьем – пару перчаток. Крепких, кожа-

ных, дорогих: такие не носят люди, которые доедают последний хлеб или даже неплохой пирог. Все эти вещи сейчас находились внизу, в камере хранения, и будут выданы некроманту по первому требованию. Хотя не факт, что он вообще что-то потребует.

Некроманты сами по себе странные (что оправдывает специфика их магии). Некроманты из Королевской службы безопасности – и подавно.

– Чудесно. – Комиссар подхватил папки, хотя найти что-то чудесное в происходящем мог только человек с очень странным чувством юмора. – Будьте готовы, что с вашими сотрудниками захотят переговорить. С вами, разумеется тоже...

Договорить он не успел: дверь распахнулась, и запыхавшийся секретарь выпалил:

– Комиссар, к вам пришли.

То, что пришли, стало понятно в ту же минуту, когда секретарь был отодвинут с той безапелляционной бесцеремонностью, свойственной людям, считающим себя вправе пренебрегать нормами этикета.

– Добрый день, – комиссар шагнул к некроманту и протянул ему руку.

– Не сказал бы, что он добрый, – сухо прозвучало в ответ. – Где жертва?

– Так... в морге же, – вырвалось у Фетроя.

Сухой взгляд пробежался по нему от макушки до кончи-

ков штиблет, снова поднялся наверх и остановился где-то на уровне переносицы. Тяжелый взгляд, неприятный, из-под которого хотелось незамедлительно ускользнуть.

– Понимаю, что в морге. Проводите меня к ней.

– Разумеется, – комиссар опомнился первым. – Пойдемте, мистер... Как я могу к вам обращаться?

– Это совершенно необязательно.

– Но позвольте. Как я могу быть уверенным в том, что вы – это вы?

Некромант раскрыл ладонь, под кожей сверкнула магическая печать Королевской службы безопасности. Знак, который с некоторых пор наносился всем сотрудникам без исключения и давал особые преимущества. Впрочем, не только преимущества: случись кому-то с такой печатью проболтаться о том, что происходит в закрытых стенах здания КСБ, его ждала мгновенная, но достаточно болезненная смерть.

– Убедились? – по-прежнему сухо поинтересовался он. – Теперь ведите.

Из кабинета старшего констебля они вышли втроем, оставив взволнованного секретаря за спиной.

– Пригласите коронера, – бросил комиссар отрывисто, а после обратился к некроманту: – Вот, документы по делу.

Он протянул мужчине папки, но тот покачал головой.

– Позже.

Мужчина был таким же, как его голос: высоким и худым, как высушенный солнцем бамбук. Тем не менее под его

уверенными шагами стонал старенький настил коридора, а ступеньки, уводящие вниз, разразились жалобным хрустом. Фетрой украдкой взглянул на комиссара, но тот оставался невозмутим. Перехватив папки так, чтобы не выскользнул ни один лист, он спускался следом за некромантом. Настенные артефакты – слишком дорогое удовольствие для полиции, поэтому здесь по-прежнему горели газовые светильники.

Под землей было очень холодно, не говоря уже о том, каково было в морге, среди стальных стен, укутанных магией охлаждения. Комиссар недавно выбил средства на эту роскошь: со скрипом, но чиновники подписали разрешение и выдали из бюджета необходимую для установки артефактов сумму.

Коронер вошел следом за ними: запыхавшийся, на ходу натягивающий халат, с измазанным джемом уголками губ. Честно говоря, старший констебль не представлял, как этот человек вообще может есть.

– Беттина Гилберт, – сообщил он, взявшись за ручку ящика, где лежала погибшая, – смерть от удушья после укуса змеи...

Некромант отодвинул его бесцеремонно: так же, как в свое время – секретаря.

– Выйдите все, – сказал он, и достал из кармана небольшую пробирку, окутанную серебристым мерцанием.

– Но я должен присутствовать... – начал было коронер.

– Выйдите. Все.

Взгляд некроманта, только что напоминавший сухой вереск, потемнел. Причем старший констебль не был уверен, что не буквально: радужку заполнял черный цвет, растекавшийся не то от зрачков, не то Всевидающий знает от чего еще.

– Когда закончу, поднимусь в ваш кабинет.

Последнее относилось к комиссару, и тот поспешно кивнул, указав коронеру и Фетрою за дверь.

– Откуда только такие берутся, – проворчал коронер, пухлый невысокий человечек, – они же давно повывелись все.

Что правда то правда, некромантов в мире остались единицы.

– В Королевской службе безопасности найдется все, – заметил Лайдгэн.

И то правда. Новейшие секретные разработки, зелья и артефакты самого разного действия: все, что считалось невозможным, невероятным, поразительным, можно было найти именно в стенах здания, расположенного в центре Лигенбурга, на возвышении, над протекающей под ним Бельтой. Считалось, что выходов здесь гораздо больше чем входов, слухи о нем ходили самые разные, а как оно на самом деле, знали только те, кто там работал.

– Поднимайтесь, Брик, – скомандовал комиссар коронеру и, когда шаги на лестнице затихли, повернулся к старшему констеблю. – А вы возвращайтесь.

– Но как же...

– Подозреваю, вы что-то обронули: там, в конце коридора, – заметил комиссар, и, ни слова не говоря, направился наверх.

Фетрой посмотрел ему вслед и на негнущихся ногах направился обратно, мимо дверей архивов, склада улик, к двери, за которой остался некромант. Сам процесс возвращения покойной казался ему диким, неправильным, противозаконным, поэтому когда мужчина попросил их выйти, констебль вздохнул с облегчением. Сейчас же каждый шаг отсчитывал глухой удар сердца, а дыхание казалось оглушающе громким.

Мысленно ругая себя за слабость, он тем не менее старался ступать едва слышно. Показалось, или в самом деле стало еще холоднее? Что творилось за дверью, он не видел, но по спине заструился противный липкий пот. Особенно в минуту, когда выдох сорвался облачком пара. Приложив ухо к двери, констебль замер, слушая тишину, в которую сначала ворвалось какое-то звяканье. Затем – шорох.

А потом голос, от которого волосы на затылке встали дыбом. Не голос некроманта, звучавший по-прежнему сухо:

– Что с тобой произошло?

Нет, другой, голос девушки. Слабый, тихий, доносящийся словно с того света.

– Змея... должна... умереть...

Констебль сжал руки так, что ногти впились в ладони.

– Змея... должна... умереть... – Голос становился все

громче, громче и громче, мертвая девушка говорила все быстрее, слова сливались воедино и превращались в какой-то потусторонний речитатив. – Змеядолжнаумереть, змеядолжнаумереть, змея... должна... умереть!

Последнее она выкрикнула, и Фетрой отпрянул от двери. Пожалуй, так он не бегал даже в детстве, когда за ним погналась собака размером с теленка. Он бежал, а в ушах до сих пор звучал этот голос, и, казалось, теперь он будет звучать вечно. Полицейский взлетел на этаж, пробежал по коридорам, столкнувшись с кем-то, даже не заметил с кем, на ходу бормоча извинения. В кабинет комиссара влетел, задыхаясь, чтобы доложить, но секретарь продержал его в приемной минут двадцать. Оказывается, за время их отсутствия по какому-то важному поводу приехали из градоуправления.

Чиновника, как и полагается, провожали с расшаркиваниями, но стоило констеблю зайти в кабинет и опуститься в кресло, как дверь тут же распахнулась снова.

– Передайте мне все документы и улики по делу, – прозвучало сухое за спиной. – Теперь этим будет заниматься Королевская служба безопасности.

Часть 1. Его тьма

1

Я смотрела на Ирвина, не в силах поверить своим глазам. Он был сводным братом. Был моим лучшим другом. Мужчиной, который был мне безумно дорог...

Был?

Печать, поставленная на воспоминания, дрогнула и пошла трещинами, я подавила желание обхватить себя руками. Лишь бы не чувствовать. Не думать. Не вспоминать. Знал ли он о том, что собирается сделать леди Ребекка и его отец? Вряд ли. Не знал, не задумывался, ему было все равно, что со мной станет. Наверное, это правильно: с той минуты, как Ирвин спустился по лестнице после моей лжи, я уже не думала, что мы встретимся вновь. Так легче и проще, так спокойнее, так и должно быть.

Взгляд его скользил по мне: по обнаженным плечам, по декольте. Крылья носа чуть дрогнули, и на миг мне захотелось прикрыться. Накинуть на плечи шаль, скрывая роскошь платья и глубокий вырез, несомненно, слишком глубокий. Как раз в эту минуту он взглянул мне за спину – туда, где лежал небольшой чемоданчик с моими вещами, две шляпные

коробки, сумка с красками и кистями и разобранный мольберт.

– Нам нужно поговорить, Шарлотта.

Дурацкая фраза. Дурацкая, особенно из уст того, кого не было рядом, когда я сходила с ума после оскорбительной статьи и тряслась в карете в полубессознательном состоянии. Это было неправильно: обвинять в этом его (сама же его оттолкнула!), но остановиться я не могла. Обида разъедала сердце, растекалась в крови ядом, обжигающим сильнее, чем узор на запястье в тот день, когда должно было состояться наше свидание.

Он шагнул ко мне, но я покачала головой.

– Я опаздываю в театр, Ирвин.

По его лицу словно судорога прошла.

– С ним?

– Возможно, – пожала плечами и направилась к двери.

Сама не знаю, зачем. Сюин все равно встречает экипаж.

Ирвин перехватил меня за руку: так неожиданно и резко, что я вскрикнула. Оказавшись лицом к лицу с ним, так близко и в то же время так далеко. Смотреть ему в глаза было просто невыносимо. Невыносимо было знать, что все это время он разгуливал по городу, общался с полковыми друзьями, но не нашел даже минутки, чтобы поинтересоваться мной.

Я вырвалась и отступила на несколько шагов.

– Тебе лучше уйти.

– Я не уйду, пока мы не поговорим. – Ирвин преградил мне путь. – И к нему тебя не отпущу тоже.

– Вот как? – я вскинула брови.

– Именно так. Этот мужчина опасен.

С трудом сдержала рвущийся с губ смешок.

– Всевидящий, Ирвин! Этот мужчина меня спас!

– Что значит – спас? От чего?

В глазах его мелькнуло изумление, но я уже шагнула к двери и распахнула ее.

– Ты не понимаешь... – произнес он.

«Не понимаю! – хотелось закричать мне. – Я действительно не понимаю, Ирвин! Не понимаю, что ты здесь делаешь именно сейчас. Спустя два дня после того, как я чуть не умерла по дороге в Фартон! После того, как твой отец решил увезти меня из города, потому что я могла навредить его репутации одним своим существованием! После того, как меня чуть не убила долговая метка!»

– Чего? – я спокойно встретила его взгляд. – Того, что тебе срочно понадобилось со мной поговорить? Вполне. Но я не хочу.

Не ожидала, что эти слова вырвутся так легко. Не ожидала, что даже больно не будет, разве что чуть.

– Он наслаждается тем, что причиняет женщинам боль.

Я замерла, вцепившись в металлическую ручку, холод которой вползал мне в ладонь и растекался по телу. Замерла, чтобы медленно обернуться: Ирвин больше не пытался при-

близиться, просто смотрел мне в глаза.

– Все эти дни меня не было в городе, потому что я ездил в Вэлею. В Ольвиже есть закрытый клуб для особых развлечений. Туда приходят те, кто любит причинять боль или ее испытывать.

Столица Вэлеи, Ольвиж, всегда славилась самыми разными развлечениями. Кабаре, публичные дома, зачастую два в одном, игорные дома. Нравы там изначально свободнее наших, но о таком... о том, что мне говорил Ирвин, я никогда не слышала. Разве что вспомнились слова Эрика про дом удовольствий: в тот вечер, когда он пришел за мной к Вудворду. Там прозвучало что-то о наручниках и исхлестанной заднице, но видимо, память вымарала это из моих воспоминаний за ненужностью. До сегодняшнего дня.

– Официально он принадлежит женщине по имени Камилла де Кри, но Пауль Орман – один из завсегдатаев этого клуба, больше того, это заведение существует за его счет. С этой женщиной он состоит в постоянных отношениях, она живет в его доме вместе с маленькой дочерью.

Единственная опора, дверная ручка, по-прежнему обжигала ладонь, но держаться мне больше было не за что. Ирвин шагнул ко мне, шагнул вплотную, не позволяя мне отступить.

– Я совершил ошибку, Шарлотта. – Он заключил мое лицо в ладони. – Ужасную ошибку, когда ушел и оставил тебя рядом с ним, но теперь все будет иначе.

Опомниться не успела, пальцы Ирвина скользнули по её щеке, а потом коснулись запястья.

– Я предлагаю тебе свое имя и свою защиту. После нашей помолвки Орман больше не посмеет к тебе приблизиться.

Что?!

– Ты предлагаешь мне стать твоей женой?

– Не сразу, разумеется. Я буду за тобой ухаживать и сделаю тебе предложение по всем правилам высшего света.

Я смотрела на него, не в силах поверить в услышанное. Наверное, случись такое еще неделю назад, я была бы без ума от счастья. Что изменилось теперь? Как минимум осознание того, что мы с ним совсем не знакомы. Мы не виделись шесть лет, в моей памяти все еще живет образ молодого человека, который вступил в ряды королевской армии и уехал в Рихаттию, а я... кто я для него? Девочка-подросток, которая страстно мечтает писать картины?

– Я не могу выйти за тебя замуж.

Ирвин нахмурился.

– Почему?

– Потому что мы не знаем друг друга.

– Не знаем? Шарлотта, я знаю тебя достаточно...

– Правда? – я сложила руки на груди. – И что же ты обо мне знаешь? Кроме того, сколько мне лет.

По традициям Энгерии будущим супругам было вовсе необязательно знать друг друга, зачастую вопрос о браке решался между родителями, особенно у аристократов. Буду-

щие муж и жена едва ли танцевали вместе несколько танцев и перебрасывались парой слов в присутствии дуэньи или старшей (обязательно замужней!) родственницы.

Наверное, для Ирвина такое в порядке вещей, наверное, когда-то было и для меня.

До той ночи, которая все изменила. Я не собираюсь выходить замуж, как леди Ребекка – за того, кого видела несколько раз. Пусть даже за того, кому когда-то верила всем сердцем. Леди Ребекке я тоже верила.

– Мне не обязательно знать о тебе все, Шарлотта. Для этого у нас с тобой будет вся жизнь. Конечно, я не могу обещать, что мы будем жить на одном месте: по долгу службы меня могут направить в Рихаттию или Вэлею, или куда-нибудь еще. Но я сделаю все, чтобы ты была счастлива и ни в чем не нуждалась. Твоя репутация будет полностью восстановлена. У меня достаточно связей, чтобы о случившемся с той ужасной картиной просто-напросто забыли.

«С той ужасной картиной».

Он знал.

От этого почему-то стало еще больнее, гораздо больнее, чем если бы он просто мной не интересовался, ничего не слышал о той статье, почти разрушившей мою жизнь. Наверное, с этим я бы могла справиться, как справилась с поступком леди Ребекки, временно затолкав его поглубже на чердак воспоминаний и заколотив дверь. С этим, но не с таким. Он уехал в Вэлею, зная, что со мной происходит. Уехал, что-

бы – что?

Чтобы узнать и рассказать мне о... специфических страстях Эрика?

О том, что у него есть любовница, которая живет в его доме.

– Я не выйду за тебя.

– Ты что, не слышала, что я только что сказал? Он любит причинять женщинам боль, Шарлотта. Он из тех, кто получает удовольствие, наслаждаясь их болью во время близости. Ты хочешь стать одной из них?

Он развернул мою руку, потянул рукав наверх и замер. Непонимающе взглянул на меня: глаза его затягивало льдом, как озера зимой. Вот только почему-то в памяти сейчас стояла пронзительно-чистая, словно заполненная растаявшим небом река. Островок лета среди заснеженных берегов, и поцелуй, удивительно теплый, ударил в сердце навывлет.

«С этой женщиной он состоит в постоянных отношениях, она живет в его доме вместе с маленькой дочерью».

Мне казалось, еще чуть-чуть, и я закричу.

– Уходи, Ирвин, – прошептала я, чувствуя, как все внутри переворачивается. – Уходи немедленно.

Отняла руку и указала ему на дверь.

– Меня не волнует, где ты был, и что ты узнал. Я не хочу больше слышать от тебя ни слова, – сказала жестко. – Мне пора. И тебе тоже.

Он больше не пытался меня коснуться, смотрел так, слов-

но хотел что-то сказать, но не знал, что. Не знала и я, в голове набатом стучали его слова, отдаваясь глухими ударами сердца.

– Что с тобой стало, Шарлотта? – произнес он, наконец. – Что стало с девочкой, которую я знал?!

– Она повзрослела.

Я не представляла, что мой голос может звучать так холодно. Очевидно, не представлял и он, потому что взгляд его сверкнул яростью.

– Если опомнишься... – Он достал конверт и бросил на стол. – Здесь есть карточка с моим адресом.

Ирвин вышел за дверь, а я прислонилась к стене.

Меня не просто трясло, меня колотило.

Правда ли то, что он сказал?

Вспомнился жесткий взгляд Ормана, в котором клубилась ночь. Жесткий и страшный, проникающий в самую душу. Наверное, мне бы хотелось его забыть, но я не могла. В тот вечер, когда просила его отпустить меня, чтобы поговорить с герцогиней.

Сталь, оплетенная сетями тьмы.

С какой стати это вообще должно меня волновать? Его личная жизнь ни коим образом меня не касается, равно как и его... увлечения.

Нет, Шарлотта, очень даже касается.

Касается куда больше, чем ты можешь себе представить.

Веревки на теле сейчас ощущались так, словно я была стя-

нута ими под платьем.

«Мне хочется делать с тобой ужасные вещи, Шарлотта, — голос Ормана звучал так отчетливо, как если бы он находился рядом со мной, в мансарде. — И приятные. Безумно приятные».

Всевидящий!

Разве это может быть приятным?! Разве может быть приятной боль? Как вообще можно причинять боль тому, кого любишь?

Приложив ладони к пылающим щекам, пыталась унять бешено бьющееся сердце. Да, Шарлотта, куда-то не туда тебя понесло. Совсем не туда, особенно учитывая последнее. О какой вообще любви может идти речь? В дома развлечений ходят не за любовью, а за запретными удовольствиями, за тем, что нельзя позволить себе с нормальными людьми, с собственной женой или мужем.

Любит ли он женщину, которая живет с ним в Вэлее? А маленькая девочка... что, если это его дочь?!

Прежде чем фантазия завела меня в совсем непроходимые дебри, дверь распахнулась, и в мансарду впорхнула Сюин. На руках у нее лежала без преувеличения роскошная накидка с капюшоном, отороченным мехом. Плотная темно-зеленая ткань переливалась даже в неярком свете лампы, и при мысли о ее стоимости мне захотелось глупо хихикнуть.

Действительно, его увлечения тебя ни коим образом не касаются, Шарлотта.

Он просто ухаживает за своей... ученицей.

Я закусила губу, а Сюин изменилась в лице. Видимо, с моим лицом тоже было что-то не так, потому что иньфаянка мигом отложила накидку и подбежала ко мне.

– Все в порядке, мисс Шарлотта? Вы побледнели.

Хорошо, что не позеленела. В тон платью.

– Да, – выдохнула через силу.

Дыши, Шарлотта. Дыши.

Ровно. Вот так.

– Вам принести воды?

– Нет, спасибо.

Иньфаянка внимательно посмотрела на меня.

– Тогда позвольте вам помочь. Экипаж уже ждет.

Экипаж.

«Лацианские страсти».

Встреча с Орманом.

Ох-х-х-х...

Шагнула ближе к зеркалу, позволяя Сюин расправить и подать мне накидку. Она села как влитая, мягко обтекая платье. Вечерний выход, в общем-то, сам по себе предполагал высокие перчатки, но к такому фасону платья они не шли. Только сейчас я увидела муфточку, которую не заметила из-за меховой оторочки. Но... в театр без перчаток?

Осознание этого накрыло как-то совсем не вовремя.

Всевидящий, я собираюсь в театр, в наряде, который мне прислал Орман. Одна, без сопровождения, что само по себе

неприлично, зная, на что способен этот мужчина, и о чем я думаю?!

О перчатках!

– Чудесно выглядите, мисс Шарлотта, – иньфаянка улыбнулась.

– Спасибо, Сюин.

– Я провожу вас в театр, а потом вернусь, чтобы перевезти ваши вещи. И эту красавицу, конечно, тоже. – Сюин взглянула на мисс Дженни, устроившуюся поверх шляпных корбоек.

Позорное желание запереться в мансарде и для верности пододвинуть под дверь стул, стол и тахту я тут же отмела. Учитывая способности Ормана, его это не остановит. Учитывая, что он ожидает меня увидеть, лучше пусть будет добрый Орман в театре, чем злой здесь. Не считая того, что я подписала с ним договор на бессрочное обучение магии, поэтому начиная с понедельника мы будем видеться с ним каждый вечер.

Тогда как в Вэлее его ждет другая.

Возможно, не только она, но и ее дочь. Их. Постоянными любовницами не становятся на ровном месте. А как ими становятся? Я ровным счетом ничего не знаю о любовницах, в моем мире тема внебрачных связей всегда была запретной.

Мысль об этом посетила меня уже в ту минуту, когда мы с Сюин спускались по лестнице. Сердце колотилось все сильнее, с каждой ступенькой, с каждый шагом, приближавшим

меня к экипажу, а значит, и к нему тоже.

Кучер подал мне руку, чтобы помочь подняться на подножку, затем то же самое проделал с Сюин. Захлопнул дверцу и вскочил на козлы, карета дернулась и покатила по улицам Лигенбурга, отстукивая в такт цокоту копыт. Иньфаянка улыбнулась, и я улыбнулась в ответ, хотя мои мысли в эту минуту были далеки от улыбок. Я напоминала себе струну, которую одно неосторожное движение может порвать. Руки так и тянулись к туго накрученным локонам, поэтому я не стала вынимать их из муфты.

«Жало иглы или ожог плети...»

Зажмурилась, как если бы это могло меня спасти от непрошенных мыслей. Представить в руке Ормана плетъ было ну очень легко, особенно после того, как в памяти отпечаталось прикосновение бамбукового стебля к обнаженной коже ягодич.

– Мисс Шарлотта, о чем вы думаете? – Голос Сюин разорвал тишину, и к счастью.

Потому что я уже была готова, подхватив юбки, сигануть из кареты и бежать в ночь.

«Обо всяких непотребствах».

– О спектакле.

Орман не ударил меня тогда, в ванной, но если бы ударил, я не сомневаюсь, что это дико больно. Даже первый удар, не говоря уже о втором, третьем или тридцать шестом, как он мне тогда обещал. Кто вообще может получать от такого

удовольствие? Ну если предположить, что тот, кто бьет, может наслаждаться криками, стонами и... бр-р-р... красными полосами на коже, то как может этим наслаждаться тот, кого бьют? Или та...

Зачем она позволяет делать это с собой?!

– О, думаю вам понравится, – Сюин улыбнулась.

Я чуть не свалилась с сиденья, но вовремя вспомнила, что мы заговорили о спектакле.

– Вы его видели? – Разговор о «Лацианских страстях» – это совершенно точно то, что мне сейчас нужно, чтобы забыть обо всем.

– Нет, но очень много о нем слышала. Это маэлонская труппа, которая гастролирует по миру с прошлого года, в Лигенбурге будет всего три показа. – Она потрясающе разговаривала на нашем языке, без малейшей неловкости или подбора слов, с легкой ноткой акцента. – Первый состоится сегодня, второй в следующую пятницу, а третий через две недели. На входе всем выдают маски...

– Маски?

– Да, – девушка кивнула. – Конечно, вы сами можете выбрать, надевать ее или нет, но большинство зрителей предпочитают их надевать.

– Почему? – спросила я, уже предчувствуя, что ответ мне может не понравиться.

– Во-первых, это отсылка к Маэлонии, родине маскарада. А во-вторых, спектакль весьма провокационный, поэтому не

все аристократы хотят, чтобы их лица видели остальные.

Весьма провокационный.

Ну разумеется. Не думала же я, что Орман пригласит меня посмотреть комедию?

Желание выскочить из кареты на полном ходу только что стало еще ярче. Я представила, как бегу в ночь в развевающейся накидке, в роскошном платье и с вечерней прической, отмахиваясь от пытающихся остановить меня прохожих муфточкой. А потом раскрывается портал, из него выходит Орман и тащит меня в свой особняк в Дэрнсе, как недавно, спеленав магией.

«За одно это тебя стоило бы выпороть».

Мамочки.

Я хихикнула и тут же зажала рот ладонью.

– Мисс Шарлотта, с вами точно все в порядке? – Взгляд Сюин стал сосредоточенным.

– Да, я просто очень волнуюсь перед... выходом.

Всевидящий, что мне делать?

Я была близка к истерике, поэтому уставилась в окно. Не хватало еще, чтобы иньфаянка приняла меня за припадочную. За стеклом проплывал вечерний город, укутанный в согревающий свет фонарей, дома жались друг к другу, словно пытаюсь согреться.

Королевский театр, переливающийся огнями, был прекрасен. Мне не доводилось здесь бывать: билеты сюда стоили очень и очень дорого, даже на самый верхний балкон.

Поэтому сейчас я смотрела на широкие ступеньки, ведущие к зданию. На каменные завитки в арках первого этажа, на двойные колонны на втором, между которыми располагались высокие окна. Эту красоту венчал купол, украшенный короной, а перед зданием театра на постаменте возвышалась статуя короля Витейра, который принес нашей стране свободу и независимость.

Экипажи подъезжали один за другим, я даже заметила несколько автомобилей. Негромко хлопали дверцы, шаги, голоса и шорохи вечерних платьев сливались в шум радостного предвкушения вечера. Если бы не встреча с Ирвином и не его слова, которые засели в сознании, мешая наслаждаться происходящим, сейчас я бы радовалась тоже.

И ни о чем не подозревала.

Когда подошла очередь нашей кареты, кучер открыл дверцу и подал мне руку. Сердце забило сильнее, особенно когда мимо прошла пара: мужчина в дорогом пальто с бакенбардами и его спутница, наградившая меня придиричивым взглядом. Женщина вздернула подбородок и отвернулась, а я вдруг осознала, что никогда раньше на меня не смотрели так.

С потаенной завистью.

Да и на что было смотреть, в общем-то...

– Хорошего вечера, мисс Шарлотта, – мелодичный голос Сюин заставил обернуться. – Буду ждать вас домой.
Домой?

Это прозвучало как то-то слишком уютно, но ответить я не успела: кучер уже вскочил на козлы, и карета отъехала, уступая место следующему экипажу. К ступенькам повернуться тоже не успела, потому что в глубине, за распахнутой дверцей, мелькнуло лицо графа Вудворда. Он первым шагнул на улицу, держа руку на перевязи под пальто. Здоровую подал жене, которая выплыла следом за ним с крайне недовольным выражением лица, за ней последовал Ричард.

— Какая же мерзкая сегодня погода! Я вся продрогла. — Лина вышла последней, зябко кутаясь в роскошную накидку. — Надеюсь, эти маэлонские актеришки не заставят нас скучать...

Она увидела меня первой.

Мазнула недовольным взглядом по моему лицу, отвела глаза...

Наверное, если бы я не выросла в землю, если бы подхватила юбки и быстро поднялась по ступенькам, Лина бы меня не узнала. Но я не отвернулась, и она медленно, удивительно медленно, снова повернулась ко мне, а за ней — граф, его жена и Ричард.

– Всевидящий! – Лина ахнула и приложила ко рту ладонь.

Изумление в ее глазах сменилось безразличностью, а после и вовсе презрением: точно так же, как у графини. Ричард вообще избегал на меня смотреть, а вот взгляд Вудворда стал тяжелым, если не сказать злым. Он подхватил жену под руку, то же самое Ричард проделал со своей невестой. Они обошли меня за несколько футов, словно боялись коснуться или испачкаться, поднялись по ступенькам и вскоре исчезли за дверями театра. Я же стояла на улице, не в силах сделать и шага.

Вудворды смотрели на меня так, словно одним своим присутствием я оскорбляла их и все приличное общество Лигенбурга. Странно, что они не развернулись и не уехали тут же, чтобы не дышать со мной одним воздухом.

А впрочем, какая мне разница, что обо мне подумают Вудворды. Мужчина, способный принуждать женщину к близости и его дочь, готовая бросить подругу, только чтобы спасти себя. Равно как и те, кому я не сделала ничего плохого: ни графине, ни будущему мужу Эвелины, тем не менее глядящим на меня так, словно я грязь под ногами.

Подхватив юбки и тяжелые полы накидки, расправила плечи и шагнула к лестнице. Никакой договоренности о

встрече с Орманом у нас не было, разве что мы «случайно» окажемся на соседних местах. Наш с ним договор подразумевает исключительно магическое обучение и ничего личного. С какой стати мне волноваться о том, как и с кем он проводит свой досуг?

Уже второй раз за этот вечер в голову пришла такая мысль. Разум услужливо подсказал, что подарки в стиле накидок и платьев ученицам не дарят, на что я успокоила его тем, что верну все в целостности и сохранности. Лина тоже обещала одолжить мне платье на помолвку, поэтому ничего страшного в этом нет.

Успокаивая себя таким образом, я медленно поднималась навстречу льющемуся сквозь широкие окна и арки свету. Он стекал по ступенькам, согревая холодный камень, обещая непривычную роскошь переливающихся огнями люстр и красоту зала, где тяжелый занавес легко скользит над сценой.

Интересно, ее светлость, герцогиня де Мортен, играла здесь? Вспомнилось пренебрежение, звучащее в словах леди Вудворд, пренебрежение, граничащее с презрением, и это прибавило мне уверенности. Уверенности, которая сейчас была очень мне нужна. Если ее светлость справилась с таким отношением в свое время, я тоже смогу.

Поэтому за двери, в укутанный ослепительным сиянием холл я шагнула спокойно. Ну, почти спокойно, потому что встречи с Орманом никто не отменял, а неопределенность

будоражила еще больше. Настолько, что даже восхищаться роскошью широкой лестницы, уводящей наверх, мраморными полами и лепниной, узорчатыми балясинами и высокими потолками получалось относительно.

– Добрый вечер, синьорина. – Голос справа заставил меня вздрогнуть и обернуться. – Прошу, ваша маска, которая несомненно оттенит вашу красоту и заставит всех гадать, кто же под ней скрывается.

Мужчина, протягивающий белую, расписанную золотыми узорами маску, был невысок. Его лицо тоже было скрыто под синей, выложенной по узору имитацией драгоценных камней. Лацианские маски, которые мне доводилось видеть на картинках, представляли собой произведения искусства, и теперь я в этом убедилась. Длинный, словно птичий нос, нависшие надбровные дуги, объемный контур рисунка на щеках и на лбу: открытыми оставались только подбородок и губы. Темные волосы, карие глаза и смуглая для наших мест кожа выдавали в нем маэлонца. Так же, как говор и обращение.

Он подмигнул мне и поклонился, когда наши пальцы соприкоснулись.

– До начала представления все ходят в масках, а после окончания первого акта – по желанию. Хотите программку?

– О, да! С удовольствием, – после рассказа Сюин мне еще больше хотелось почитать о том, куда я иду.

Расплатившись, убрала ее в ридикюль и улыбнулась:

– Спасибо!

– Вам спасибо, синьорина! Чудесного вечера!

В том, что вечер будет... чудесным, я не сомневалась, поэтому надела маску и поспешила в сторону гардеробных. Указатель привел меня к лестницам, уводящим вниз. На встречу мне попадались женщины в самых разных нарядах и мужчины во фраках, от многоцветия платьев, украшений, причесок пестрело в глазах, тем не менее маски были только двух цветов. Белые с золотом для женщин, черные с серебром для мужчин: те цвета, которые подойдут к любому наряду.

Незаметно всматривалась в лица, пытаюсь уловить стальной блеск глаз в прорезях маски, знакомые плотно сжатые губы или плавный контур подбородка. В меня, к слову, тоже всматривались, особенно мужчины, что шли в одиночестве. Те, что со спутницами — украдкой, мой наряд привлекал внимание. У многих женщин были платья с открытыми плечами, но большинство целомудренно прикрывали их шарфами из органзы. Даже те, кто не прикрывал, смотрели с интересом: фасона, где открытые плечи переходят в весьма смелое декольте, не было ни у кого.

У меня приняли накидку и выдали номерок, после чего я вдруг отчетливо осознала, что до встречи с Орманом осталось столько же, сколько до начала представления. В том, что его место окажется рядом с моим, я даже не сомневалась, поэтому сейчас медлила.

Ровно до того момента, как локтя коснулись пальцы, а следом низкий и сильный голос прокатился по телу волной:

– Вы обворожительны, мисс Руа.

Я не подпрыгнула только потому, что выросла в пол. Орман обошел меня, чтобы предложить руку: в темно-синем фраке, оттененном сталью жилета и брюк, с тростью и в неизменной маске, выделяющейся из черно-белой толпы, он сразу привлекал взгляды. Теперь, вместе с ним, и я. С чего я вообще взяла, что он воспользуется маэлонской маской, когда у него есть своя?

Неприлично так глазеть на мужчину, но сейчас именно это я и делала.

– Шарлотта, почему ты так смотришь? Еще немного, и я решу, что ты рада меня видеть.

А говорил, нет чувства юмора. Все у него есть, даже любовница.

Мысль о другой женщине почему-то отозвалась в сердце жалящей болью, но я все равно положила руку на сгиб его локтя.

В конце концов, он мне ничего не обещал.

– Просто не ожидала вас так скоро увидеть, – произнесла как можно более небрежно. – Думала, мы встретимся в партере.

Не представляю, как вести себя с ним. Не представляю, о чем с ним говорить. А мы вообще о чем-то должны говорить? Ну да, если мы вместе идем в театр, это предполага-

ется. Хотя мы вообще-то не вместе идем, по крайней мере, такой договоренности не было.

– Что-то не так, Шарлотта?

– Все так, – очаровательно улыбнулась.

Одно радует, наедине с ним я не останусь. До завтрашнего вечера.

Чем я вообще думала, когда подписала с ним договор?!

– Тогда почему ты такая напряженная?

Вы еще спрашиваете? Это не я луплю людей, чтобы... чтобы доставить им удовольствие.

– Я столкнулась с Вудвордами, – это было первое, что пришло мне в голову.

– Они что-то тебе сказали? – В голосе его звучала сталь.

Та самая сталь, которую легко было спутать со свистом лопнувшей струны... или хвостов плети.

Выкинь это из головы, Шарлотта! Немедленно выкинь это из головы.

– Просто прошли мимо.

Орман остановился прямо у лестницы. Развернул меня лицом к себе и внимательно заглянул в глаза. Несмотря на то, что здесь свет был приглушен, его радужка словно светилась золотом. Уже не первый раз замечаю такое, что это вообще за магия?

– Ты расстроилась?

– Нет, – покачала головой. – Если не возражаете...

Смотреть на него вот так было неправильно, и уединяться

– на глазах у всех, в переполненном людьми холле нижнего этажа – тоже. Но именно это сейчас и происходило, от его прикосновений по коже бежало тепло, а все мысли (разумные и не очень) испарялись.

«Этот мужчина опасен», – сказал Ирвин.

Можно подумать, я сама этого не знала. Знала, чувствовала, догадывалась, но...

Какое тут вообще может быть «но»?!

У него есть другая.

– Давайте поднимемся наверх, – произнесла как можно спокойнее. – Мне хотелось бы осмотреться.

В конце концов, что такого в совместном походе в театр, особенно когда мы оба под масками. Не съест же он меня, честное слово. Прямо сейчас.

«Прямо сейчас может и не съест, – любезно подсказал внутренний голос, – а вот завтра...»

Я посоветовала ему замолчать.

– Ты еще не бывала здесь? – спросил Орман, когда мы, продолжая собирать взгляды, поднялись и вышли в главный холл.

– Нет, раньше не доводилось, – ответила я, рассматривая мраморных девушек, держащих подсвечники. Они застыли по обе стороны лестницы, рассыпая свет на невысокие широкие ступени. В переходе между этажами, где лестница расходилась направо и налево, такие же подсвечники держали мраморные юноши. Когда-то, наверное, в их руках горели

настоящие свечи, но сейчас их заменили на электрические.

– Волнуешься?

Еще как.

– Немного.

– Не волнуйся, Шарлотта. Я с тобой.

Вот поэтому и волнуюсь, чуть не брякнула я, но вовремя прикусила язык. Потому что все, что может быть неверно истолковано, Орманом обязательно будет неверно истолковано. Да что там, им будет неверно истолковано даже то, что в принципе нельзя неверно истолковать, а если неверно истолковать неверно истолкованное...

О чем я вообще думаю?!

Мы прошли через холл, в сторону раскрытых дверей, сквозь которые людские потоки стекались в зал. Приблизилась к застывшему возле витража служителю в темно-синей ливрее и таких же брюках. Ослепительная белизна рубашки и перчаток выгодно подчеркивала цвет форменной одежды.

Я потянулась к ридикюлю, где лежала контрамарка, но Орман уже вручил проверяющему два билета и, прежде чем я успела что-то спросить, мы шагнули за двери.

– Что... – прошептала было я, но тут на глаза попался указатель, и у меня кончились слова.

– Я решил, что нам будет удобнее в бенуаре, – как ни в чем не бывало сообщил Орман.

Он решил?!

– Вам – возможно и будет, – сказала я, резко остановив-

шись. – Но не мне. У меня есть билет в партер, и...

– Есть? – уточнил Орман.

Я заглянула в ридикюль, и на моих глазах контрамарка вспыхнула изумрудным пламенем. Когда я обрела дар речи, от нее уже осталось одно воспоминание.

– В таком случае я вернусь домой, – сказала я. – Желаю доброго вечера, месье Орман.

Отняла руку, но не успела сделать и шага. Он подхватил меня, как в вальсе, я даже пискнуть не успела. В неярком свете настенных бра в его глазах снова мерцало золото, но самое ужасное заключалось в том, что сюда, в коридор к бенуарам, в любой момент мог кто-нибудь войти.

– Пустите, месье Орман.

– Отпущу, если согласишься на бенуар, Шарлотта.

– А ваши методы не меняются, правда?

Золото сверкнуло ярче, и тут же погасло. Он все-таки меня отпустил.

– Чем тебя не устраивает отдельная ложа?

– Всем. Вы пригласили меня в театр, и снова мошенничаєте.

– Ни разу, – серьезно произнес он. – В партере даже толком не пообщаешься, не говоря уже о том, чтобы насладиться обществом друг друга.

И что он подразумевает под наслаждением, позвольте спросить?!

– В партере можно превосходно пообщаться до начала

представления, – заметила я. – Точно так же, как и во время антракта.

– Этого слишком мало, Шарлотта.

– Слишком мало для чего?

– Времени, проведенного с тобой. Мне его всегда мало.

Ей он тоже так говорил? На этой мысли осеклась так резко, как это вообще возможно.

Всевидящий! Я что, ревную?!

Нет. Нет, конечно нет. Не может такого быть, я не могу его ревновать. Хотя бы потому, что мы знакомы меньше месяца, потому что он ужасный, невыносимый, и нас ничего не связывает.

– Кроме того, ты тоже мошенничаешь, – неожиданно заявил он.

– И в чем же? – поинтересовалась.

– Скажу, если ты наконец изволишь подать мне руку.

Мелодичный звонок прокатился над театром, со стороны дверей донеслись шаги.

А вот ни капельки я не ревную, и вообще. Пусть будет бенуар, какая мне разница!

– Подам, если пообещаете больше не принимать решений за меня, – сказала, глядя ему в глаза.

Он вернул мне взгляд.

– Обещаю.

Мы прошли по мягкой ковровой дорожке, заглушающей наши шаги. Орман отодвинул полог, пропуская меня внутрь,

в затемненную ложу, после чего задернул его и притворил двери.

– Так гораздо лучше, правда? – негромко спросил он, отодвигая для меня кресло.

А я... я замерла от раскинувшейся передо мной роскоши. Бенуар был погружен в полумрак, тогда как над залом сыпала ослепительно-яркий свет большущая люстра. Кажется, электрическая. Партер, должно быть, на несколько сотен мест, и все заполнены людьми. Возносящиеся вверх ложи, бельэтаж и балконы, украшенные лепниной. Огромная сцена, совсем рядом с нами, с утопленной внизу оркестровой ямой, тяжелый красно-золотой занавес, струящийся волнами складок. Верх над королевской ложей (в два этажа высотой) был выполнен в форме короны, балкон украсили возлежащей на мече пантерой, гербом Энгерии.

Из оцепенения меня вывел второй звонок и голос Ормана:
– Ты обещала называть меня Эрик.

«Пусть тебя Камилла Эриком называет», – подумалось мне, но я тут же себя одернула.

Расправила юбки и опустилась в кресло.

– Вы обещали сказать, в чем заключается мое мошенничество.

– Так я же только что сказал, – он положил руки на подлокотник.

Руки в перчатках.

«Перчатка смягчает удар. Без нее все чувствуется ярче.

Особенно кончиками пальцев».

Подавила желание прижать ладони к щекам. Слава Всевидящему, сейчас начнется представление!

Да что со мной вообще такое творится?!

Достала из ридикюля программку и раскрыла ее. Не успела даже пару строчек пробежать глазами, как сложенный вдвое листок выхватили из моих рук, и его постигла та же участь, что и контрамарку.

– Вы что делаете?! – возмутилась.

– Никогда не покупаю, и вам не советую. Это все равно что заглянуть в конец книги.

– Можно подумать, вы никогда не заглядывали, – ядовито заметила я.

– Никогда. В детстве будущее меня пугало, в юности мне не было до него никакого дела. Сейчас я предпочитаю путешествие конечной точке.

– Все равно вы ненормальный! – воскликнула я. – Это же остается на память!

Глаза его потемнели так, словно в зале приглушили свет. Я даже бросила взгляд наверх, но поняла, что люстра по-прежнему сияет в десятки хрустальных ярусов.

– Память, – глухо произнес он, – это то, что происходит здесь и сейчас. В этом бенуаре, на сцене, но никак не в клочке бумаги. Никогда не называй меня ненормальным, Шарлотта.

Последние слова были сказаны так, что я приросла к сту-

лу.

Жестко. Холодно. Как приказ.

Ничего общего в голосе этого мужчины не было с тем, кто встречал меня у гардеробных и говорил о времени, что хочет со мной провести. По коже прошел мороз, я отвернулась и уставилась на сцену. Как раз в ту минуту, когда по театру прокатился третий звонок.

Занавес с тихим шорохом разошелся, стирая последние голоса, и в зале погас свет.

История происходила в Лации, одном из самых известных маэлонских городов. Славился он своими каналами и длинноносими лодками, которые горожане использовали как средство передвижения, приезжие – как развлечение, а влюбленные парочки как место для романтического уединения. Главная героиня, девушка из небогатой семьи, приглянулась влиятельному мужчине намного старше себя, вхожему в круги правителей города. Он обещал ей красивую жизнь, если та согласится стать его любовницей, но она отказалась. Тогда он подставил ее отца, и его казнили за преступление, которого тот не совершал. Девушка осталась с матерью, младшим братом и четырьмя сестрами. Им с матерью отказывали во всех местах, куда бы они ни шли. Последней каплей стал момент, когда она пришла к нему (не зная о том, что случившееся с отцом произошло по его вине), чтобы продать себя за возможность кормить семью.

– Тебе нравится, Шарлотта? – негромкий голос Ормана совсем рядом заставил меня вздрогнуть.

Я вдруг поймала себя на мысли, что тереблю прядку, наматывая локон на палец.

Немедленно отдернула руку.

– Нравится, – ответила я.

Мне и правда нравилось. Настолько, что переживания главной героини, Виттории, заставили меня полностью окунуться в ее чувства и забыть о собственных. Но теперь я вернулась в реальность (спасибо кое-кому!), и снова вспомнила о происходящем. В частности, о том, что наши кресла стоят очень близко, и что Орману достаточно шевельнуть пальцами, чтобы коснуться моей руки.

– Я рад, – произнес он. – Признаться, у меня были некоторые сомнения...

– О чем же?

– Приглашать ли тебя на этот спектакль. В Энгерии принято осуждать все, что не укладывается в рамки морали.

– Рамки морали не имеют значения, когда твоей семье нечего есть.

– Хочешь сказать, на ее месте ты поступила бы так же? – Он внимательно смотрел на меня.

Интересно, какого ответа он ждал, этот мужчина?

Мужчина, увлекающийся запретными наслаждениями и чужой болью.

– Нет, – ответила я. – Но у меня преимущество, месье Орман: у меня нет семьи.

Воспоминания о леди Ребекке (даже в мыслях я не могла называть ее мамой) обожгли сердце, но я не позволила себе им поддаться.

– Ты не поверишь, но иногда отсутствие семьи действительно преимущество.

– Поэтому вы не женитесь? – поинтересовалась я, и тут же прикусила язык.

Хорошо хоть не ляпнула «на Камилле». Украдкой взглянула на Ормана, но он неожиданно улыбнулся:

– Почему ты спрашиваешь, Шарлотта?

Передернула плечами:

– Просто к слову пришлось.

– Просто?

– Да, – я отвернулась.

– Ты знаешь, что эта история основана на реальных событиях? – Орман чуть подался ко мне, не прикасаясь, но ни одно в мире прикосновение не обжигало так, как его близость. Сама не знаю, почему: именно эта близость, когда он замирал в дюймах от меня, не дотрагиваясь, сводила с ума сильнее, чем самые откровенные ласки. Возможно потому, что в воспоминаниях о нем, о моих-его снах и сеансах позирования было слишком много непристойного.

Да, разумеется дело лишь в этом, и ни в чем больше.

– Нет.

– Это видоизмененная история Виттории дель Поззо, женщины, в которую влюбился один из правителей Лации.

– Вы сожгли мою программку, – я незаметно отодвинулась чуть подальше, небрежно поставив руку на подлокотник и подперев подбородок. – А теперь решили сами мне все пересказать?

– Я не рассказываю. Просто подогреваю интерес. – Орман

подался ближе и коснулся моего плеча. – Чтобы ты немного расслабилась. Мы в театре, а не на занятиях.

От скольжения перчатки по обнаженной коже по телу прошла дрожь: я вдруг вспомнила, как горячие ладони касались рук, стягивая с меня нижнее платье. Пусть даже это было давно, пусть даже этого не было, потому что оно было во сне... Ну да, я определенно расслабилась.

– Давайте лучше смотреть, – убрала его руку и целиком сосредоточилась на происходящем на сцене.

Ну, если можно так выразиться.

Девушка как раз готовилась к первой ночи с мужчиной, разрушившим ее жизнь, и заметно волновалась, натягивая тонкие чулки под почти прозрачную сорочку. В зале стояла такая тишина, что слышен был шелест шелков и кружева, скользящих по атласной коже.

На миг даже перед глазами потемнело от бесстыдной откровенности происходящего.

Бесстыдной, но... красивой. Я не могла этого не признать. Точно так же, как не могла не признать, что такого белья у меня никогда не было. В мои панталоны можно завернуться, как в паруса, а в нижнее платье еще раза четыре, не меньше.

Интересно, Камилла тоже надевает для него такое... порочное белье?

Почти наверняка. Не только белье, но и позволяет ему делать с собой все, что ему нравится. Если она владеет таким делом, то наверняка искушена в любви и уж совершенно точ-

но не стесняется, когда веревки стягивают ее тело. Наверняка бесстыдно раскрывается и подается навстречу его пальцам, или... плети.

Я мысленно влепила себе пощечину, но помогло смутно. Какая она, Камилла де Кри?

Воображение рисовало зрелую женщину, роскошную женщину – такую, как ее светлость, герцогиня де Мортен. Возможно, не такую утонченную, но...

Чтоб у нее на носу бородавка вскочила!

У Камиллы, разумеется, ее светлость тут ни при чем.

Представила, как Орман стягивает с нее платье, как его руки небрежной лаской скользят по покатым, красивым плечам, и внутри все перевернулось. Горячая волна прокатилась по телу, заставляя пальцы сжаться на подлокотниках, резной узор до боли впился в ладони.

Всевидящий!

Неужели я на самом деле ревную?

Эта мысль ошеломила и оглушила настолько, что я замерла. Даже упустила момент, когда над сценой пошло затемнение: мужчина как раз рванул с плеч девушки полупрозрачный занавес сорочки, обнажая ложбинку между грудей, и припал к ней губами. На этом в зале вспыхнул свет, а занавес сомкнулся, отрезая любовников от нас.

– Интригует, правда?

– Нет! – выпалила я. – Это ужасно! Она сейчас потеряет девственность с мужчиной, который убил ее отца.

Орман приподнял брови.

– Не так давно ты говорила иное.

– Я была не в себе.

– Определенно, – заметил он. – Ты и сейчас не в себе, Шарлотта. У тебя глаза, как чайные чашки.

– Пойдемте лучше пройдемся, – я вскочила. Слишком прытко для благовоспитанной мисс. – Посмотрим театр.

– Признаться, не ожидал, что ты вообще это предложишь...

В отличие от меня, Орман поднялся медленно, как готовый в любой момент напасть хищник. Миг – и удерживающий портьеры бенуара шнур развязался, отрезая нас от зала и запечатывая внутри.

– Признаться, не ожидал, что я это скажу, но мы никуда не пойдем, Шарлотта, – он шагнул ко мне вплотную.

– Что вы имеете в виду?

– Пока ты не расскажешь, что с тобой происходит.

Всевидящий, Всевидящий, Всевидящий!

– Ничего со мной не происходит, – я осторожно попятилась. Пятиться было особо некуда, за спиной начиналась стена.

– Неужели? Ты сегодня весь вечер сама не своя. – Он шагнул ближе, оказавшись со мной лицом к лицу. – Что тебя волнует, Шарлотта?

Он оперся ладонями по обе стороны от меня, так близко, непростительно близко, что мне стало нечем дышать.

– Вы... меня волнуете вы! – выпалила я.

Ну молодец, Шарлотта. Ничего умнее не придумала?

– Я? – Лицо Ормана стало удивительно светлым даже под маской.

– Я имела в виду... несмотря на маски, это мой первый выход в театр. И вообще все это... очень волнительно.

– Тогда волнуйся, но только самую малость, – Орман подался ко мне, обжигая щеку кончиками пальцев. – Ровно настолько, чтобы краснеть, как это сейчас делаешь ты.

Я краснею? Я? Краснею?

– Это от духоты. Здесь... очень жарко?

– Ты меня спрашиваешь?

– Вас я?

– Гм. – Он окинул меня пристальным взглядом. – До начала второго акта у нас есть еще более получаса. Как ты смотришь на то, чтобы заглянуть в буфет?

В буфете наверняка будет проще, чем с ним наедине, поэтому я кивнула. Позволила ему отодвинуть полог и облегченно вздохнула, оказавшись в царстве картин в позолоченных рамах и рожков светильников. В коридоре, ведущему к бенуарам, народу было немного, поэтому мы спокойно прошли к лестнице, уводящей наверх. Моя рука лежала поверх его, и это смотрелось так правильно, словно так было всегда.

Всегда.

Странное слово. Орман считает, что никогда – это слишком долго. Тогда что он скажет об этом?

– Ты смотришь так, Шарлотта, словно хочешь что-то спросить.

– Нет, просто задумалась.

– Как у тебя получается всегда выглядеть так соблазнительно?

Вопреки моей воле к щекам снова прилила краска.

– Как вам удастся приплести соблазнение даже к самым невинным ситуациям?

– Потому что невинность соблазнительнее всего, Шарлотта.

Орман чуть подался ко мне, еще чуть – и это будет непристойно.

Запах сандала, запах нашего с ним знакомства и его близость. Что может быть опаснее?

Пальцы в перчатке скользнули по моему обнаженному запястью, и я вздрогнула.

– Месье Орман, мне напомнить о том, что мы в театре?

И что мы по-прежнему притягиваем взгляды.

– Ты только и делаешь, что об этом напоминаешь.

– Потому что кто-то постоянно об этом забывает.

Я вздернула подбородок и сделала вид, что меня вообще не волнует происходящее. Между тем как мы, к счастью, уже добрались до буфета. Огромный, заполненный аппетитными запахами, голосами и шелестом платьев, он занимал просторную залу. Золотисто-кремовое убранство, лепнина под потолками и несколько сияющих люстр. Последние отража-

лись в паркете, рассыпали свет над столиками, за которыми уже устраивались гости. Зеркальные панели-ромбы за спинами официантов отражали залу.

– Что тебе принести, Шарлотта? – Эрик отодвинул стул, на который я немедленно опустилась.

У меня было такое чувство, что первый же кусочек еды выпрыгнет из меня обратно. Не то от волнения, не то от затянутого непомерно корсета. Сюин постаралась на славу и добилась талии, которую принято называть осиной. Зато теперь я понимаю, почему осы такие злые.

– Чаю.

– И только?

– С сахаром.

Эрик улыбнулся, но, к счастью, настаивать на большем не стал. Стоило ему отойти, как на меня свалилось очередное осознание: я уже называю его по имени даже в мыслях. Всевидящий, что же дальше-то будет?

Дожидаясь его, подняла голову и принялась считать подвески на люстрах. Впрочем, долго этим заниматься не получилось: люстра была совсем рядом, и от яркого света зарыбило в глазах.

– Невероятно! – Громкий шепот женщины за соседним столиком заставил меня вздрогнуть. – История падшей женщины на королевской сцене Лигенбурга!

Чуть скосила глаза вправо: за соседним столиком устроились леди, запечатанные в темные футляры платьев. Фиоле-

товый и синий добавляли им возраста – так же, как складки у губ, которые не скрывали маски.

– Не в первый и не в последний раз, я полагаю. Вы только посмотрите! Они сняли маски.

Я проследила их взгляды, чтобы наткнуться на... ее светлость Луизу Биго де Мортен и ее мужа. Пожалуй, платье герцогини могло посоперничать с моим: ярко-сиреневый атлас, открытые плечи и глубокий лиф, который облегал ее фигуру, подчеркивая все достоинства, пышная юбка струилась волнами. Рядом с герцогом (высоким темноволосым мужчиной с тяжелым взглядом), одетым в черно-белую классику, она выглядела ослепительной летней бабочкой.

– Можно подумать, без масок их было не узнать, – заметила сидевшая рядом с ней леди. – Мало того, что она постоянно рядится, как... как главная героиня этого спектакля... Вы посмотрите, с кем они садятся за столик.

Пара, которая тоже сняла маски, была мне не знакома, но показалась очень приятной. Миловидная светловолосая девушка и рыжий мужчина, который с нежностью смотрел на свою спутницу.

– А кто это? – спросила ее соседка.

– Джулия Рокенфорд. В прошлом – Джулия Пирс, дочь этого ненормального ученого, Фрэнка Пирса, который вроде как подарил нашему обществу много полезных достижений. – Яд из нее так и сочился, им было пропитано каждое слово.

– А ее сопровождающий?

– Патрик Рокенфорд.

– Погоди-ка, но он же...

– Да-да, тот самый скандальный делец, фабрикант, сколотивший состояние на производстве двигателей для дирижаблей.

– Какой кошмар! Только в наше время герцог может сесть с дельцом за один стол.

Я отвернулась, потому что мне стало противно, но заткнуть уши на глазах у всех не представлялось возможным.

– Больше чем уверена, что его отец просто в гробу переворачивается. Уильям де Мортен был приверженцем старых традиций, он бы не потерпел в невестках такую особу, как эта Луиза... Не помню, как же ее звали в девичестве...

– Луиза Лефер?

– Да, кажется так.

– Говорят, именно он изначально желал этого брака. Изначально, пока она была неиспорченной юной особой...

– Ах, моя милая, вы так наивны! Разве можно быть неиспорченной и учудить такое?

– Вы не могли бы делиться своими желчными выводами потише?

Я не сразу поняла, что этот голос принадлежит мне. А когда поняла, было уже поздно: обе дамы повернулись и установились на меня.

Да, лучше бы я заткнула уши.

Глаза почтенных дам расширились: видимо, мой наряд произвел на них неизгладимое впечатление.

– Всевидящий знает, что творится, – пробормотала та, что в синем. Именно она начала разговор о герцогине. – Всякий сброд смеет указывать мне, что делать.

– Не принимайте близко к сердцу. Не будь не ней маски, вряд ли она бы осмелилась...

Я сняла маску и положила ее на стол, спокойно глядя на них.

– А теперь сделайте то же самое и повторите в лицо ее светлости то, что вы только что о ней говорили, – я приподняла брови, наслаждаясь выражениями их лиц.

Судя по тому, как стремительно наливались красным двойные подбородки, их мысли обо мне оставляли желать лучшего. Прежде чем так называемые леди успели меня испепелить, между ними и мной возникла нерушимая преграда Эрика. Он устроился за столом, нисколько не заботясь о том, что дамы лицезреют его тыл, сцепил руки и чуть подался вперед.

– Эти старые перечницы что-то тебе сказали?

– Нет, – я отмахнулась. – Зато они много сказали про ее светлость герцогиню де Мортен.

– Вот как, – тон его стал чуть холоднее.

– А еще про пару, что сидит с де Мортенами. Патрик и Джулия... Рокстенхард, кажется.

Эрик обернулся, бросил на них быстрый взгляд.

– Рокенфорд.

– Рокенфорд, – согласилась я. – По их мнению, эти люди недостойны оказаться за одним столом с герцогом и его супругой. Просто потому, что они не аристократы! Хотя насколько я поняла, этот мужчина всего добился сам, а не получил от папочки в наследство. Разумеется, я не считаю, что все аристократы такие, но...

Замолчала, наткнувшись на его пристальный взгляд. Губы Эрика чуть подрагивали.

– Вам смешно? – холодно поинтересовалась я. – Я сказала что-то смешное?

Он покачал головой.

– И что же произошло дальше?

– Я посоветовала им говорить потише.

Губы его снова дрогнули.

– Если вам так весело, может быть, расскажете какую-нибудь шутку?

– Мне хватает того, что говоришь ты.

Ах, вот как?

Хотела было вскочить, но рука легла на мою так плотно, что подняться из-за стола бесшумно было бы просто невозможно.

– Ты девушка-парадокс, Шарлотта. То смущаешься, то приказываешь молчать, – к счастью, он оставил мою руку в покое.

– Я не приказывала, а попросила.

– Судя по твоему тону сейчас, ты именно приказала. Почему ты сняла маску?

Только сейчас поняла, что я действительно сняла маску и открыла свое лицо на всеобщее обозрение. Наверное, стоило бы надеть снова, но я оттолкнула ее на край стола.

– Мне нечего стесняться.

Эрик пристально на меня посмотрел.

– Ты права.

Прежде чем успела вздохнуть, он снял свою маску и отложил в сторону.

В ту же минуту к нам подошел официант. На подносе у него стояли бокалы с игристым вином, два из которых сразу переключались к нам. Он поспешил дальше, а я скептически посмотрела на тонкий хрусталь на высоких ножках.

– Мне кажется, или чай подают иначе?

– Я уже говорил, что ты умеешь кусаться, Шарлота? – пробормотал Эрик и подвинул бокал ближе. – Попробуй. Тебе понравится.

Раньше я бы непременно отказалась, но сейчас перехватила ядовитый взгляд из-за соседнего столика (дама ерзала на стуле, чтобы иметь возможность наблюдать за мной из-за спины Эрика) и подняла бокал.

– Скажете тост, месье Орман?

– За свободу.

Взгляд, от которого мне вновь стало жарко: темнеющий, внимательный, только мой. Казалось, он не замечает нико-

го и ничего кроме, и мысль эта оказалась еще более будоражащей. Поспешно пригубила вино, первое вино, которое мне довелось попробовать в моей жизни. Оно оказалось с легкой кислинкой и ярко выраженным виноградным вкусом. К нам приблизился другой официант, который поставил на стол блюдо с тарталетками и вазочку, наполненную ягодами.

Клубника! В такое время года?

– Магия творит чудеса, – заметил Орман, словно мысли мои читал. – Именно поэтому все маги аристократы.

– Потому что могут выращивать клубнику зимой?

– Скажем так, помочь ей созреть даже зимой. Сейчас это способен сделать тепличный артефакт.

– Значит, дело не в аристократах, – заметила я.

– Именно в них, Шарлотта. Каждый маг – сосуд, силу которого можно заключить в артефакт.

Я замерла.

– Да, в основе всех артефактов – магия человека, – хмыкнул он. – Сейчас существует устройство, способное перерабатывать магию, которой кто-то решил поделиться во имя науки. Оно разбавляет влитую силу, из-за чего ее хватает на более долгий срок, но концентрация с каждым разом становится все меньше и меньше.

– То есть вы хотите сказать...

– Когда магия в людях иссякнет, артефакты станут просто бесполезными безделушками. Не сразу, но со временем.

– О, – только и сказала я.

Получается, весь его завод, все его производство... на нем?! То есть на его магии?! То есть вот прямо все-все?!

– Не обращай внимания, – хмыкнул Орман, – ешь клубнику. Не стоит забивать себе голову тем, до чего мы не доживем.

– Но доживут наши дети, – сказала я.

И чуть не поперхнулась глоточком вина, потому что прозвучало это крайне двусмысленно. К счастью для меня, он этого не заметил.

– Вы знаете мистера Рокенфорда? – поспешила перевести тему. – Вы так уверенно о нем говорили...

– Лично не знаком, но много о нем слышал. – Эрик подвинул ко мне вазочку с клубникой, и я взяла ягодку. – Это действительно уникальный человек, который с нуля поднял огромное производство. К сожалению, большинство аристократов не готовы признать такие заслуги. Для них все решает титул, хотя, как ты правильно сказала, многие до сих пор тратят наследство в мужских клубах и получают пассивный доход с земель.

Он помолчал и добавил:

– Такие люди ненавидят нас за то, что у нас есть деньги. Что мы можем позволить себе то же, что и они. В их мире такого просто не могло случиться – какой-то «выскачка» живет бок о бок с ними, живет лучше, чем они, но теперь приходится привыкать.

– Но это же...

– Неправильно, да. Это пережитки прошлого, Шарлотта, от которых не так-то легко избавиться, но есть и другая крайность.

– Какая?

– Несколько столетий назад могущественные маги становились легендами, сейчас даже свои смотрят на них с опаской. Их остерегаются просто потому, что они есть. За то, на что они способны, и де Мортен – один из них.

Эрик покачал головой, словно очнулся.

– Ты так ничего и не попробовала.

Я дотянулась до ягодки: она оказалась удивительно сладкой, оттеняющей кислинку вина. Которого, кстати сказать, осталось на доньшке (сама не заметила, как так получилось).

Орман перехватил взгляд официанта, и нам тут же заменили бокалы.

– У меня есть еще один тост, Шарлотта, – произнес он. – За нас.

К счастью, я еще не успела взять бокал, потому что иначе он оказался бы на полу.

– За нас? – переспросила я, чувствуя, как дрожат пальцы.

– За нас. За нашу встречу. За наше знакомство. – Орман смотрел на меня, и от этого взгляда внутри бежали пузырьки, совсем как в золотистом вине. – К сожалению, оно оказалось далеким от того, что можно назвать приятным. Но теперь все будет иначе.

Это было сказано настолько серьезно и так глубоко, что оставить бокал на столе просто рука не поднялась. Прикоснулась к тонкой ножке, обнимая ее пальцами.

– Скажи это, Шарлотта, – негромко произнес он.

– Сказать – что?

– За нас.

Я смотрела ему в глаза, не в силах отвести взгляд. Наверное, никогда в жизни я не встречала настолько противоречивого мужчину. Мужчину, способного превратить твои сны и реальность в кошмар, а после защищающего от Вудворда. Мужчину, способного уничтожить одним словом, а после спасти и вынести на руках в портал. Мужчину, столь же жестокого и опасного, сколь и нежного.

– За нас, – произнесла я.

И пригубила вино.

Как раз в ту минуту, когда наши бокалы вернулись на место, я увидела ее светлость. Они с мужем и парой, так бурно обсуждаемой дамами за соседним столиком, направлялись к выходу из ресторана. Герцогиня почувствовала мой взгляд, и наши глаза встретились. Сначала она удивленно замерла, а потом улыбка озарила ее лицо, придавая ему еще большую солнечность.

Ох!

Я поспешно поднялась из-за стола, Орман последовал моему примеру, обернулся... Ее светлость этого видеть не могла, но взгляд герцога потемнел буквально до черноты. Что касается Эрика, его рука плотно сжалась на набалдашнике трости.

– Добрый вечер, Шарлотта. – Луиза остановилась первой, и его светлость последовал ее примеру. – Позволь тебе представить моего супруга, его светлость Винсента Биго де Мортена, и наших друзей, мистера и миссис Рокенфорд. Винсент, это та девушка, о которой я тебе говорила...

Она повернулась к мужу и осеклась. Холод во взгляде герцога, несмотря на тлеющие в глубине глаз угли, явно предназначался не мне. Орман на него смотрел едва ли мягче: обманчивая расслабленность и складка у губ говорили о том, что он «взаимно рад» этой встрече.

– Мисс Шарлотта Руа, – закончила ее светлость и снова повернулась ко мне. – Шарлотта, представишь нам своего

спутника?

– Месье Орман, – негромко произнесла я. – Месье Пауль Орман. Приятно познакомиться, ваша светлость.

Запоздало опустилась в реверансе, но в этом знакомстве все изначально пошло не так.

– Мистер Рокенфорд. Миссис Рокенфорд.

Ноздри герцога едва уловимо шевельнулись, словно он собирался сказать что-то резкое. Что ему не позволило – выдержка или воспитание, сложно сказать, но в следующую минуту положение спас именно мистер Рокенфорд. Вблизи он оказался не менее приятным: энергичный, крепкий и коренастый, с тонкими вкраплениями веснушек на светлой коже. Глаза его лучились уверенностью, силой и счастьем.

– Орман? Тот самый месье Орман? – произнес он и шагнул вперед, протягивая руку для знакомства. – Я о вас слышан. У моего дома стоит «Ваорхан» последней модели, и должен сказать, это что-то невероятное!

– Взаимно, – отозвался Эрик, отвечая на рукопожатие. Только после этого я смогла немного расслабиться, хотя взгляд его светлости по-прежнему оставался тяжелым. – Благодаря вам я путешествую гораздо быстрее, чем мог бы делать это раньше.

– О, так вы предпочитаете дирижабли! – Рокенфорд ослепительно улыбнулся. – Рад это слышать, потому что большинство моих знакомых до сих пор боятся подниматься на борт этого «летающего кошмара».

– Вероятно, они просто не имели возможности его оценить, – голос Ормана смягчился: хороший признак. Он коснулся пальчиков Джулии губами: – Миссис Рокенфорд. Рад встрече.

От меня не укрылось, что радость встречи относилась именно к знакомству с Рокенфордами. Что касается де Мортенов, он едва удостоил их взглядом, как, впрочем, и де Мортен – его. Я чувствовала, что вот-вот провалюсь сквозь землю от стыда, ведь ее светлость была так ко мне добра! С другой стороны, ее муж на меня вообще не смотрел, а Ормана явно пытался расплавить или пригвоздить к стене.

– Взаимно, – отозвалась Джулия.

Судя по растерянному выражению ее лица, не одна я чувствовала это странное напряжение.

– Нам пора, – герцог первым прервал обмен любезностями, но сейчас я даже была этому рада. – Хорошего вечера, мисс Руа.

– Доброго вечера, ваша светлость. Ваша светлость.

Сейчас называть герцогиню Луизой у меня при всем желании язык бы не повернулся. Я снова сделала реверанс, и только когда они отошли, смогла вздохнуть спокойно. Медленно опустилась на стул, потянулась за бокалом.

Глоточек, еще и еще... Теперь уже глаза Ормана стали похожи на чашные чайки. То есть на чайные чашки, разумеется. Я не остановилась, пока бокал не опустел, а кислинка послевкусия не стала обжигающе-пузырьковой. Только после

этого подвинула к себе вазочку с клубникой. Интересно, Камилла тоже любит такое вино и клубнику? То есть мужчины, насколько я знаю, предпочитают более крепкие напитки, но Орман выбрал именно этот. Почему?

Пробегающий мимо официант тут же заменил бокал. Мне и Орману, но я на него не смотрела, полностью увлеченная клубникой. То есть камикой. То есть клубникой. И еще немного вином, которое пошло очень хорошо, вслед за первым бокалом. Или уже за вторым?

– Как ты познакомилась с де Мортенами, Шарлотта?

Это прозвучало холодно. Очень холодно.

– Это имеет значение?

– Имеет. И очень серьезное.

– С ее светлостью я познакомилась на выставке, – заметила я. – А после обратилась к ней за помощью. Именно она помогла мне найти место помощницы художника-декоратора.

Взгляд его снова сверкнул золотом.

– Вот как.

Я не отвела глаз.

– Именно так, месье Орман. Вы что-то имеете против?

– Разумеется нет.

– Вот и чудесно, – ответила я. – А вы? Мне кажется, или его светлость был не очень рад встрече?

Пузырьков во мне становилось все больше и больше, они поднимались вверх и грозили унести меня вместе с собой.

Прямо к потолку, где я зависну как воздушный шарик и буду светить нижними юбками.

– Не кажется, – ответил Орман, внимательно глядя на меня. – Но это долгая история.

– А вы говорите, говорите, – я указала на него клубничкой. – Потому что мы совершенно никуда не торопимся.

Как раз в эту минуту над театром прокатился звонок, поднимая волну скрежета отодвигаемых стульев, шагов и шелеста платьев.

– Уже торопимся.

Орман едва успел отодвинуть стул для меня, потому что я быстренько поднялась (на пузырьках, видимо). Пузырьков действительно стало больше, голова кружилась, но как-то приятно. Неловкая встреча с ее светлостью и слова Ирвина отодвинулись на второй план, на первый выступило лицо Ормана. Так близко... я даже почти коснулась его кончиками пальцев, но вовремя вспомнила, что мы в театре. Поэтому просто положила руку на сгиб его локтя. Точнее, сначала ткнулась ему в запястье, но он перехватил мою ладонь и устроил ее поверх своей руки.

– Ты никогда не пробовала игристое вино? – негромко спросил Эрик, когда мы вышли из буфета.

– Нет, – покачала головой. – По правде говоря, я никакого вино не пробовала. А вы, месье Орман, этим воспользовались!

– Как я мог воспользоваться, если я об этом не знал?

Ну... наверное, логика в этом есть.

– Все вы знали, – сказала я и вздохнула. – Я так и не попробовала тарталетки.

– Надо было налегать на них, а не на вино.

– Вы грубиян!

– Я просто прямолинеен. – Он внимательно заглянул мне в глаза. – Пожалуй, лучше отвезу тебя домой.

– Нет! – возмутилась я. – Я хочу досмотреть спектакль. Мне интересно, что станет с Витторией.

Орман покачал головой.

– Тебе нужно на свежий воздух, Шарлотта.

– Мне просто нужно посидеть, и все пройдет.

Это все просто потому, что я никогда раньше не пробовала игристое вино.

Несколько мгновений Орман пристально вглядывался в мое лицо, а потом кивнул. Мы спустились по лестнице и через небольшой холл прошли в коридор к бенуарам. На этот раз я не сопротивлялась и под второй звонок покорно позволила усадить себя в кресло: так голова кружилась не столь сильно. Орман раздвинул портьеры, открывая зрительный зал. Сцена не плавала перед глазами, люстра не двоилась, но я все равно казалась себе легкой и воздушной. Как сахарная вата, которую продают на ярмарке.

– Что ты там говорила про мой коварный план? – Он опустился в соседнее кресло и чуть подался ко мне.

– Коварный план?

– Да, по спаиванию невинных девиц.

– Я такого не говорила, – отмахнулась. – Я имела в виду, что вы нагло воспользовались тем, что я не пила игристое вино.

– Это одно и то же.

– Разве?

Третий звонок оборвал наш диалог, я чуть подалась назад, позволяя себе откинуться на мягкую спинку кресла: сейчас это было мне просто необходимо. Занавес разошелся в стороны, открывая второй акт новой сценой. В доме любовника Виттории давали прием, где она и познакомилась с одним из правителей города.

– Все-таки вы раскрыли мне всю интригу, – заметила я.

– Неужели?

– Вот если бы вы не сказали, что у Виттории дель Попцо...

– Дель Поззо.

– А я как сказала? В общем, если бы вы мне не сказали, что у нее был роман с правителем, я могла бы подумать, что эта история совсем о другом.

– О чем же?

Учитывая, что говорили мы едва-едва слышно, чтобы даже случайно не помешать ни актерам, ни зрителям, приходилось постоянно напрягать слух.

– О том, как женщина понемногу влюбляется в мужчину, который убил ее отца и разрушил ее жизнь, а потом узнает, что это все сделал он.

– И что случилось потом?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Сначала я подумала, что она убивает его, а потом себя, но это слишком жестоко.

– Дитя, воспитанное на классике.

– Что вы сказали?

– Ты не хотела бы попробовать себя в драматургии?

Я обернулась: Орман улыбался.

– Вы снова надо мной смеетесь?!

– Что ты, Шарлотта, как можно?

– Смеетесь! – воскликнула я. – Вы сегодня весь вечер надо мной смеетесь! А знаете, что? Не стану больше с вами разговаривать.

Я отвернулась к сцене, давая понять, что разговор окончен.

Отношения Виттории и Джанкарло (так звали мужчину, которого она полюбила), развивались стремительно. Несмотря на то, что он собирался жениться на другой, а она запятнала свою честь внебрачной связью, их влекло друг к другу с неудержимой силой. Поначалу они оба противились этому чувству, но запретная страсть оказалась сильнее. Сильнее невозможности таких отношений, сильнее обстоятельств, сильнее сомнений Виттории о том, что его интерес угаснет после первой ночи.

Поймала себя на мысли, что слежу за происходящим, затаив дыхание. Мне одновременно хотелось поддаться соблазну вместе с Витторией, и в то же время... В то же время

я отчаянно боялась того же, что и она. Ведь Орман не сказал, что эта влюбленность закончится хорошо.

– Шарлотта, – негромкий голос за спиной. – Отпусти подлокотники, они ни в чем не виноваты.

– Я с вами не разговариваю, – дернула плечом.

– Уже разговариваешь.

Гневно обернулась к нему.

– Разумеется! Я же не могу смотреть, когда вы все время бормочете.

– А я не могу не смотреть на тебя.

– Не можете – не смотрите... что?!

Только сейчас взгляд упал на его руки: он снял перчатки, и почему-то от этого бросило в жар. Инеевая прядь, немного потеплевшая под солнышком плафона, и прядка, падающая на лицо. Никогда раньше Орман не казался мне таким близким.

Таким... соблазнительным.

Осознание этого краской плеснуло на щеки, растеклось по телу. Не жаром, дрожью: странной, волнующей, жаркой. Я не должна была на него смотреть и думать о нем в таком ключе тоже не должна, тем не менее и смотрела, и думала. Особенно когда его пальцы коснулись моего запястья, и тело пронзила острая вспышка предвкушения. Предвкушения другого прикосновения, когда его ладонь снова коснется моей щеки, а губы накроют мои.

– Не смотрите на меня! – возмущенно заметила я. – Так...

– Так – это как?

– Как смотрите вы, – голос сел на пару октав или даже больше.

– А как я смотрю, Шарлотта?

Ух, мы сейчас договоримся.

– Неприлично.

– Нет ничего неприличного в том, чтобы неприлично смотреть на женщину, которая тебе нравится до неприличия.

Он продолжал ласкать меня голосом: идущим из груди, низким. Таким глубоким и сильным, что мне окончательно стало нечем дышать.

– Есть! – воскликнула я. – Знаете, тетушка Эби рассказывала мне про таких, как вы.

– Тетушка Эби?

– Кухарка в доме виконта Фейбера, мы с ней очень дружны. Так вот, она рассказывала, как один непристойный неджентльмен поднес юной девушке бокал вина, чтобы узнать, что она к нему чувствует, и вывести ее на откровенность.

– И вы считаете, что я хочу того же?

– Разумеется! Но я вам все равно ничего не скажу.

– Вот как? И почему же?

– Потому что вы беспринципный, бессовестный...

– Продолжайте.

– Развратный, – сказала я.

Совсем шепотом.

– Ты даже не представляешь, как это звучит твоими устами, Шарлотта.

Орман погладил мое запястье кончиками пальцев, а потом, совершенно не стесняясь, взял мою руку в свою и коснулся тыльной стороны ладони губами. Легкое, едва ощутимое прикосновение, но пол под ногами пошатнулся (насколько такое возможно, когда ты сидишь), а дыхание сбилось.

– Прекратите, – я отняла руку. – Прекратите немедленно, или я и впрямь вынуждена буду уйти. А мне бы этого очень не хотелось.

И, пожалуй, не столько из-за спектакля...

Ой-й.

Не позволив Орману прочитать мысль в моих глазах, повернулась к сцене. Не позволив себе почувствовать ее по-настоящему... ее или его? Благодаря пузырькам в голове все настолько перемешалось, что я с трудом могла усидеть на месте. Желание поддаться этой провокационной, бесстыдной ласке и продлить ее (пусть даже на глазах у всех, пусть даже на нас никто не смотрит!), боролось с осознанием того, что я не должна допускать таких вольностей. Что бы ни случилось – не должна!

Но Камилла наверняка допускает.

Ох... почему мужчин всегда так тянет к испорченным женщинам? Или это я испорченная излишней моралью?

От таких мыслей щеки алели еще сильнее, я едва успевала следить за тем, что происходит на сцене. А на сцене дей-

ствительно разыгрались самые настоящие страсти.

Любовник Виттории решил сделать ей предложение, потому что осознал, что не готов терпеть других мужчин рядом с ней (поскольку он был достаточно известен, приемы в его доме были частыми, а она своей красотой и образованностью притягивала все больше мужского внимания). В тот день, когда он собирался подарить ей кольцо, Виттория первая пришла к нему. Она призналась, что полюбила Джанкарло и сообщила, что уходит.

Разозленный, он вышвырнул ее из дома и распустил слух, что их разрыв произошел по причине ее распутства. Он подкупил нескольких именитых вельмож, зависящих от него, чтобы те подтвердили свою связь с ней. Когда эти слухи дошли до Джанкарло, он отказался даже говорить с Витторией.

В момент, когда она одна возвращалась домой вдоль каналов, я почувствовала, что мне что-то капнуло на руку. Потом еще. И еще. Мне всегда говорили, что женские слезы – это недостойная благопристойной мисс слабость, и что плакать, особенно при мужчине, ужасно. Но я почему-то не могла остановиться, хотя и не полезла в ридикюль за платком, чтобы не привлекать внимания Ормана.

– Шарлотта, ты плачешь?

Как? Вот как, скажите, он это делает? Насквозь меня видит, что ли?

– Нет, – хлюпнула я. – Соринка в глаз попала.

– Шарлотт-а-а-а. – Низкий голос, словно... зовущий меня

сквозь сон?

Вздрогнула от странного чувства: настолько этот голос был похож на тот, что я слышала в мансарде. Но ведь тогда Ормана в моей мансарде не было, и быть не могло, он даже не знал, где я живу. Не говоря уже о чем-то большем.

Медленно обернулась: Эрик внимательно смотрел на меня.

– Что тебя так расстроило?

– Мужская жестокость.

– Женщины тоже умеют быть жестокими.

– Почему вы все время нападаете?! Я ведь говорила именно о нем. О том, что он мог бы поверить ей, а не сплетням.

– Ты не согласишься, Шарлотта, но сплетни убивают не реже ножа и пистолета. – Он достал платок и, прежде чем я успела отодвинуться, подался ко мне. – А я просто не привык к тому, что ты другая.

Короткое прикосновение пальцами под шелком платка.

Сначала к одной щеке, потом к другой.

– Смотри дальше, – произнес он.

И я смотрела. Смотрела, как ослепленный ревностью и злобой бывший любовник Виттории приказал ее похитить и вывез из города. Как Джанкарло, который все же не смог забыть Витторию, выяснил, почему погиб ее отец. Опомнившись, поехал за ней, чтобы ее спасти. Как бросил вызов похитителю и убийце, как просил прощения и предлагал Виттории стать его женой.

В момент, когда они целовались на мосту, я снова вцепилась в подлокотники, а когда спектакль был завершен, в зале повисла тишина. Такая тишина, от которой даже мне стало не по себе: не хлопал никто. Актеры замерли на сцене, явно не понимая, что происходит.

Но я понимала. Пожалуй, сейчас особенно остро.

Как никогда раньше, как никто другой, ведь не далее как неделю назад я пережила это с «Девушкой». Я смотрела, как гаснут улыбки на лицах тех, кто стоит на сцене. Смотрела в зрительный зал, полный, но сейчас никто из них не собирался благодарить маэлонскую труппу за представление.

Не знаю, сколько это длилось – секунды, минуты или же вовсе мгновения.

Помню только, что взвилась с кресла и шагнула к перилам.

Тишину разорвали аплодисменты, от которых загорелись ладони, но сейчас я хлопала, как никогда раньше. Чувствуя, как сердце отбивает такт. За всех, кто собрался в этом зале.

На меня начали оборачиваться: сначала актеры, затем зрители. Орман поднялся следом за мной. Я слышала, как его аплодисменты вливаются в мои, разносясь по огромному залу. Следом отозвались сидящие справа от нас, и эхо потекло по цепочке. Спустя минуту овации громыхали над партером и бельэтажем, катились по балконам и бусинам лож. Некоторые поднимались, чтобы уйти, но их никто не замечал, пустые места темнели щербинами гнилых зубов, теряясь в калейдоскопе фраков и разноцветных платьев. Люди поднимались, чтобы аплодировать уже стоя. Наверное, так и могло бы быть, так и было в моих мечтах, на самом же деле...

Орман подхватил меня за талию, рывком увлекая в полумрак бенуара, а затем чуть ли не силой вытряхивая в коридор.

– Что вы делаете?! – вскрикнула я, когда опомнилась.

– Мы уезжаем. – Холоду в его голосе могла позавидовать самая лютая зима.

– Но я хочу их поддержать! Вы не можете...

– Ты уже и так сделала все, что могла, – он подхватил меня под руку. – Идем.

– Пустите! Отпустите немедленно! – Я снова рванулась и заработала ледяной взгляд, от которого по коже побежали

мурашки.

– Не заставляй меня применять магию, Шарлотта.

От неожиданности вздрогнула. Вздрогнула, потому что поняла: он действительно опутает меня заклинанием без малейших колебаний.

– Вы не имеете права!

– Ты подписала договор. Пункт один-четыре. Наставник несет ответственность за все, что происходит с ученицей во время обучения, и обязуется оберегать ее ото всего, что может произойти во время раскрытия магического потенциала. Пункт два-один: ученица обязуется неукоснительно соблюдать требования безопасности.

– И какое отношение это имеет к моей безопасности?! – выдохнула ему в лицо.

– Самое непосредственное.

Орман перехватил мою ладонь и положил себе на сгиб локтя.

– Пойдешь сама, Шарлотта?

– Сама! – Я отняла руку и направилась к дверям. – Месье Эрик.

В последнее вложила все свои чувства, но кажется, на него это особого впечатления не произвело. Мы молча спустились в гардероб, не вместе, но и не порознь. Одними из первых получили одежду. Я с трудом подавила желание оттолкнуть Ормана, когда он набросил накидку на мои плечи. Внутри все кипело от ярости и отголосков несправедливо-

сти. Несправедливости, с которой я столкнулась в звенящем тишиной зале.

Хуже тишины был только громкое возмущение одной дамы, которая прошла мимо нас под руку со своим спутником: – ... бездарно потраченное время и деньги. Такая пошлость!

На выходе стоял тот же мужчина, его маска – безумно красивая – лежала рядом с ним. Судя по выражению его лица, усталому, с глубокими складками на лбу, вести со сцены уже до него добрались. Я вспомнила, как он улыбался мне перед началом представления, и сердце болезненно сжалось.

– Спасибо, – прошептала сдавленно, возвращая ему маску. – Спасибо за чудесный вечер, мне безумно понравилось!

Оттолкнула руку Ормана, попытавшегося меня удержать и выбежала в раскрытые двери. Непролитые слезы душили, дыхание тут же перехватил и унес холодный колючий ветер. Я бежала по ступенькам, желая оказаться как можно дальше от этого театра и ото всех, кто там собрался. Перед глазами стояли удивленные лица актеров, словно они до конца не верили в то, что произошло.

Всевидящий, это же было потрясающе!

Как они играли! Сколько чувств вложили в каждую сцену!

– Шарлотта! – Орман перехватил меня на середине лестницы.

Перехватил и прижал к себе, не опасаясь, что это кто-то может увидеть. Впрочем, сейчас не опасалась и я: мне было

все равно, кто на нас смотрит, и как.

– Отпустите! – я забила в его руках. – Отпустите, отпустите, отпустите! Вы такой же, как все они! Вы лицемер!

– Неужели? – Он продолжал меня удерживать, но уже не так сильно. Лицо его, обрызганное светом фонарей и искрами падающего снега, сейчас казалось выточенным из мрамора. – И в чем же заключается мое лицемерие?

– В том, как вы поступили!

– Как я поступил, Шарлотта? Увел тебя из зала? Да, и сделал бы это снова. Ты не понимала, что творишь.

– То есть по-вашему, стоило просто встать и уйти?

– Стоило. Ни к чему привлекать к себе лишнее внимание.

От неожиданности я только моргнула.

– Это мне говорите вы?!

Орман наградил меня тяжелым взглядом, но промолчал.

– Не вы ли говорили, что мнение общественности – не то, о чем стоит заботиться?

– Говорил, – холодно произнес он. – Пока не узнал тебя.

– При чем тут я?!

– При том, что когда я это говорил, мне не за кого было бояться.

Что?

Замерла в его руках, вглядываясь в лицо, в раскаленные золотом глаза. Только они сейчас и согревали.

– Однажды я уже позволил им причинить тебе боль, Шарлотта. Не хочу, чтобы это повторилось.

От того, как это было сказано — низко, опасно, моя ярость утихла. Растворилась, рассыпалась пылью или перетекла в силу его голоса, оставив после себя лишь горечь разочарования.

— Думаете, мне есть дело до них? — я указала в сторону раскрывшихся дверей, выпустивших очередных торопящихся покинуть театр посетителей. Свет, плеснувший на ступени, больше не казался мне теплым. — До тех, кто мог так поступить? Нет, месье Орман. Эти люди больше не способны причинить мне боль.

Он покачал головой и подал мне руку.

— Пойдем, Шарлотта. Прошу.

В его голосе больше не было приказа, только усталость. Возможно, именно это и заставило меня принять предложение. А может быть, странное свечение в его глазах, от которого становилось не то горячо, не то страшно.

Экипаж нам подали быстро: еще бы, сейчас, когда они отъезжали один за другим, задержка грозила немалыми неприятностями. Недовольные аристократы и свет общества Лигенбурга расползлся по своим теплым норкам, чтобы тайне от всех сокрушаться по поводу «ужасного спектакля», который им пришлось посетить. Примерно так я представляла себе вечер поскупившихся на аплодисменты снобов. Ладно бы все остальные, но... ее светлость?! Ведь она сама играла в театре! Почему смолчала? Почему не выступила вперед? Ее уж точно поддержали бы, ее и герцога. Но

она предпочла остаться в стороне.

На руку снова что-то капнуло, и я быстро отвернулась к окну.

Сегодня определенно какой-то «сырой» вечер.

Сидевший напротив Орман пересел ко мне, и я даже не стала возражать. Не отодвинулась, не забилась в угол, не попыталась отстраниться.

– Зачем они так? – всхлипнула и подняла на него глаза. – За что? Они ведь... они ведь досидели до конца, никто из этих людей не ушел...

Он невыносимо долго смотрел мне в глаза, а потом произнес:

– Есть вещи, которые нельзя объяснить, Шарлотта. Исправить тоже. Нужно просто смириться с тем, что они есть, и жить дальше.

– Смириться с черной неблагодарностью?! С ханжеством, которое переходит все границы?! – воскликнула я. – Эти люди приехали из другой страны! Разве они заслужили такой прием?

– Какая же ты все-таки еще девочка. – Орман осторожно привлек меня к себе. – Дело не в них. Дело в тех, кто не готов принять свои пороки, отраженные в других людях.

– Вы сейчас говорите что-то очень странное, – заметила я.

– Отчего же?

– При чем тут люди и их пороки?

– При том, что яростнее всего порицается и отрицается

самое желанное.

Прежде чем я успела ответить, он наклонился ко мне и коснулся губами моих губ. Коснулся не так, как в лесу, и даже не так, как в мансарде. В этом поцелуе было нечто сумрачно-властное, как дыхание жарких южных ночей, сминающих день столь стремительно, что даже опомниться не успеваешь. Вот и я не успела: свойственная Орману сила и бесцеремонный напор сейчас отозвались внутри пьянящим влечением. Я потянулась к нему, отвечая, впитывая вкус его губ. Легкие нотки игристого вина, тонкая кислинка и терпкость. Неуверенно приоткрыла рот, позволяя ему целовать меня глубже.

Объятия, от которых кружилась голова, объятия, о которых я сегодня весь вечер думала, неожиданно стали непросто крепкими. Он целовал меня так, что сбивалось дыхание, не позволяя отстраниться даже на миг. Совсем осмелев, коснулась кончиком языка жестких, горячих губ.

Чтобы спустя мгновение сжать зубы на нижней.

Орман вздрогнул – и его дрожь передалась мне, словно мы были единым целым.

– Ты что творишь, Шарлотта? – выдохнул он.

Хрипло, сумасшедше, низко. Так, что его голос отозвался жаром в каждой клеточке тела.

– Я вас целую, – медленно облизнула губы и посмотрела ему в глаза.

Глаза такие же сумасшедшие, как его голос. Как он сам.

Как мы оба.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, коснулась его волос, повторяя инеевую прядь кончиками пальцев. Орман перехватил их, переплетая со своими. Так тесно, что ладони сливались, что я перестала понимать, где кончаюсь я, и начинается он. Удивительно, но именно этот жест стер последние рамки, последнюю грань между нами, не позволяющую чувствовать его так, как мне хотелось уже давно.

Всей кожей.

Я подалась к нему и коснулась губами уголка жесткого рта. Обжигаяще-нежно.

– Ты хоть понимаешь, что еще чуть-чуть, и я просто не смогу остановиться, Шарлотта?

Он поднес мои пальцы к губам. Сжимая так же сильно, сколь мягко коснулся их поцелуем.

– А я этого не хочу. Не хочу, чтобы вы останавливались.

Взгляд Ормана потемнел до черноты. Если так можно выразиться о светло-серых глазах, вбирающих в себя всю темноту, проносающуюся за окнами. Наверное, раньше я могла бы этого испугаться. Раньше, но не сейчас. Сейчас, напротив, потянулась к его руке за прикосновением, которое вышло пронзительно-острым. Щекой – по тыльной стороне ладони.

Доверяя. И доверяясь.

Эрик хрипло вздохнул, а потом его губы снова накрыли мои: исступленно-медленно, жарко. Шнуровка накидки

разошлась, как по волшебству. Впрочем, почему как: я видела тающие в полумраке экипажа изумрудные искры. Его пальцы скользнули по обнажившемуся плечу, коснулись бешено бьющейся жилки на шее. Дыхание прервалось, когда Эрик дотронулся до моих волос, перебирая тяжелые от укладки пряди. Мгновение – и шпилька со звоном отлетела в сторону.

Одна, другая, третья...

Волосы плеснули на плечи и грудь, а потом он слегка отстранился, глядя на меня.

– К демонам все, – прорычал яростно.

Прежде чем успела что-то понять, вспышка разорвала пространство экипажа. Снаружи испуганно заржали лошади, а меня втолкнули (или втянули?) в портал. В прошлый раз я находилась в странном полусне, сейчас же отчетливо осознала, как из тесного экипажа мы шагнули прямо в спальню его особняка в Дэрнсе.

Точнее, шагнул Орман, прижимая меня к себе, и сомкнувшийся за спиной контур (как разорванный надвое лист, снова склеенный воедино) отрезал нас от мчащейся по улицам Лигенбурга кареты. Впрочем, сейчас мне было не до нее: оказаться лицом к лицу с Эриком, так близко... так непростительно близко, так неестественно близко, как никогда и ни с кем.

Всевидящий, мне никогда не хотелось оказаться так близко ни с одним мужчиной. Просто не пришло бы это в голову.

Просто...

– Повернись ко мне спиной, Шарлотта, – скомандовал он.

По-прежнему хриплый голос стал еще более низким, и от него по коже прошла дрожь.

«Он любит причинять женщинам боль».

Отмахиваюсь от этой мысли, как от надоедливой мухи, поворачиваюсь к нему спиной. Его пальцы отводят волосы: все еще тугие, не разошедшиеся локоны. Невольно выдыхаю, когда по шее течет цепочка прикосновений. Коротких, непростительно откровенных касаний от позвонка к позвонку.

Вздрагиваю, когда слышу первый щелчок: невидимые, скрытые под полоской ткани застёжки платья освобождают меня из плена наряда. Жесткий лиф становится гораздо свободнее, но юбка держится на кринолине. До той минуты, когда Орман касается завязок на талии, и обручи оседают к моим ногам вместе с волнами атласа.

Прикосновение-воспоминание – к обнаженным плечам, заставляет все внутри сжиматься. Сладко, от бесстыдного предвкушения, перетекающего в легкий будоражающий страх. Я чувствую, как холодный воздух скользит по коже, оттеняя след горячих ладоней. Это платье не предполагает нижней рубашки, поэтому сейчас на мне только корсет и панталоны.

Ах, да. Еще туфельки с чулками, но думать об этом как-то странно. Особенно сейчас.

– Шарлотта.

Орман разворачивает меня лицом к себе, прямо так, в ворохе тряпок.

Поднять на него глаза... наверное, раньше я бы просто не осмелилась, но сейчас поднимаю. Не знаю, что сейчас отражается в моих, но в эту минуту Эрик подхватывает меня на руки и несет к кровати.

Теперь я все превращаюсь в одно сплошное оголенное чувство. Там, где грубая ткань его пальто касается моей кожи, она начинает гореть. Там, где касаются его руки – плавиться. Прохладный атлас напоминает о постели, на которой я лежала, когда он меня рисовал. Вережки, стягивающие тело, касающиеся меня везде. От воспоминаний о них по телу проходит дрожь, от кончиков пальцев до макушки, как по звенящей струне. Ловлю взгляд Ормана и понимаю, что терблю прядь, наматывая ее на палец.

– Почему ты дрожишь? – хрипло спрашивает он. – Замерзла?

Пальто летит на пол, следом за ним – фрак и шейный платок. Орман раздевается, глядя мне в глаза, и этот взгляд (неотрывный, глубокий, темный) заставляет меня гореть, хотя в комнате свежо.

Нет, я при всем желании не могу сказать, что я замерзла.

– Нет. Просто...

– Просто? – Он опускается рядом со мной на кровать, стягивая с меня туфли. Касается пальцами лодыжек, пробегается по ноге до колен, снимает чулки. Сначала один, затем вто-

рой, повторяя каждый оголившийся дюйм кожи пальцами, и я подавляю желание отползти подальше. Просто потому, что это так неестественно для меня, так... ново и остро.

– Нет, ничего.

Смущение затапливает меня целиком, когда по щелчку его пальцев над нами вспыхивают магические светильники.

Первый, второй, третий.

Шары рассыпают свет, поэтому сейчас мне хочется отодвинуться и натянуть одеяло до подбородка.

– Зачем?... – спрашиваю я.

Получается низко, незнакомым мне голосом, идущим из глубины груди.

– Потому что я хочу видеть тебя. Всю. – Он касается пряжки, падающей мне на лицо, заправляет ее за ухо. А потом подается вперед, и я отклоняюсь назад – неосознанно. До той минуты, когда чувствую, что дальше просто упаду без опоры, но Орман не останавливается.

– Везде, – произносит он.

Так, что я краснею даже раньше, чем до меня доходит смысл его слов. А потом он ослабляет шнуровку корсета (едва-едва) и тянет его вниз. Медленно, по ставшей безумно чувствительной груди, по напряженным соскам, цепляя их грубой тканью. Перед глазами темнеет от острого, яркого наслаждения, с губ срывается стон (раньше, чем я успеваю его поймать). Кусаю губы, чтобы прийти в себя, но в себя не приходится. Под взглядом Ормана, под скольжением жест-

кого каркаса, открывающего кожу дюйм за дюймом. Когда граница корсета оголяет соски, выдыхаю, пытаюсь сесть и закрыться, но он перехватывает мои запястья.

Таким быстрым, отточенным жестом, словно знал, что я собираюсь сделать.

Браслеты пальцев смыкаются на руках, а потом он разводит их в стороны и легко подталкивает меня, заставляя лечь на кровать.

– Везде, – повторяет негромко, и взгляд у него сейчас совсем сумасшедший.

Мысль об этом приходит в ту же минуту, когда Орман заводит мои руки над головой и наклоняется ко мне. Кажется, что он сейчас снова меня поцелует, и он целует...

Туда, где краешек корсета цепляет сосок.

Прикосновение выходит таким пронзительным, что я вздрагиваю всем телом.

Не дрожу, именно вздрагиваю, когда волна удовольствия прокатывается от зажатых в тиски его пальцев запястий до самых ног. Впрочем, в следующий миг меня уже накрывает второй: губы Ормана плотно обхватывают сосок, кончик языка касается безумно-чувствительной вершинки.

– А-а-ах...

Дыхание вырывается вместе со стоном. Мне кажется, что все, до предела. Особенно когда он перехватывает мои руки одной, а второй скользит по шее, цепляя грудь и спускаясь все ниже. Прикосновения через корсет почти не чувствуют-

ся, скорее, звучат во всем теле предвкушением.

Он плотнее сжимает губы, вырывая у меня сдавленный всхлип. Проводит рукой между моих ног, прямо в разрезе панталон. Пытаюсь свести бедра, но в это мгновение меня обжигает пронзительно-острая вспышка укуса. Боль, обычно отрезвляющая, сейчас расходится от вершинки груди по всему телу. Пьянящим, будоражающим, диким чувством. Прохладный воздух покалывает собравшийся тугим комочком сосок, когда Орман произносит:

– Не смей закрываться от меня, Шарлотта.

Не смей.

Это звучит как приказ, в его глазах – тоже приказ: жесткий, подобный тому, что он так привык отдавать. Он почти касается моей груди губами, дует на нее – легонько, скользя пальцами там, внизу.

Медленные, дразнящие прикосновения заставляют выгибаться, потому что сил терпеть больше нет. Я даже дышу через раз, чтобы не кричать на весь дом.

– Шарлотта, – пристальный взгляд.

Только он умеет смотреть так, что все мысли разбегаются.

– Скажи мне, чего ты хочешь, Шарлотта.

Хочется двигать бедрами, хочется вжиматься в его пальцы, бесстыдно. Хочется просить его не останавливаться... отчаянно хочется большего, особенно когда он задевает безумно чувствительную точку у меня между ног, или дотрагивается чуть ниже. Там, где вход в мое тело становится со-

всем влажным и скользким.

– Вы... вы же и так знаете, – смущаться сейчас уже поздно, но я почему-то не могу вытолкнуть из себя ни слова.

Точнее, не могу сказать о том, о чем только что думала.

– Знаю, – хрипло говорит он, и в его радужке снова течет золото. – Но хочу услышать это от тебя.

Пальцы поглаживают вход и смещаются к бедрам, вызывая разочарованный вздох.

– Скажи, – повторяет Орман. – Мне нужно это слышать.

Это совершенно точно не приказ, это просьба. И не откликнуться на нее невозможно, просто потому что его голос эхом отзывается во мне.

– Вас. Я хочу вас, – закусив губу, смотрю ему в глаза, и тут же поправляюсь: – Тебя. Эрик.

Его выдох больше напоминает хриплый стон, который заглушает мой. От проникновения внутрь – сначала одного пальца, затем, медленно – второго, все сладко сжимается: изнурительно, невыносимо. Пожалуй, эти движения еще более жестокие, от них я окончательно теряю себя и перестаю сдерживаться. Выгибаюсь, шире развожу бедра, сжимаю пальцы так, что ногти впиваются в ладони.

От взгляда – плывущего взгляда в упор – томительно сводит низ живота.

Пальцы выскальзывают из меня столь неожиданно, что я вскрикиваю.

Орман стягивает с меня панталоны, отбрасывает их в сто-

рону.

Расстегивает брюки, и я отвожу глаза. Не могу заставить себя смотреть.

– Шарлотта, – низкий голос, скользящий дыханием по груди. – Посмотри на меня.

Сжимаю губы и качаю головой.

Это просто выше моих сил, достаточно уже и того, что свет течет по моему телу, открывая каждый его изгиб. Я прикрыта только сползшим корсетом, под грудью, на животе, все остальное бесстыдно обнажено.

Все.

Он действительно может видеть меня везде.

Словно понимая, что для меня это и так уже слишком, Орман отпускает мои запястья.

– Ты так возбуждающе стесняешься, Шарлотта.

Он разводит мои бедра чуть шире, а потом заставляет согнуть ноги в коленях. Прикосновение его... там... заставляет вздрогнуть и широко распахнуть глаза.

– Расслабься, – произносит Орман, продолжая меня ласкать.

Возвращая это нарастающее сладкое чувство, от которого хочется кричать. От непристойных прикосновений воздух становится густым и вязким, я хватаю его губами до той минуты, когда одно резкое движение обжигает низ живота болью. Вскрикиваю, пальцы сжимаются на простынях. Дыхание перехватывает – не то от ощущения невозможной рас-

тянущести в точке, где соединяются наши тела, не то от того, как хрипло он выдыхает, замирая внутри.

— Очень больно? — всматривается в мое лицо.

— Нет, — выдыхаю в ответ. — Нет, не очень.

— Моя девочка, — шепчет, нависая надо мной на руках. — Моя... маленькая мисс Шарлотта Руа.

Медленно подается назад, вызывая внутри тягучее, болезненно-жаркое удовольствие.

С губ срывается стон, а Орман уже снова подается вперед. О-о-ох...

Назад, под мой громкий стон.

И снова вперед.

С каждым движением боль отступает... не затихает, нет, но становится мягче, внутри собирается странная, тягучая пульсация, от которой по телу растекается жар. Орман вглядывается в мое лицо, и я больше не отвожу глаз. Бесстыдно подаюсь навстречу, не сдерживая стонов и комкая атласное покрывало. Его пальцы скользят по ягодицам, чуть приподнимая мои бедра.

Я вскрикиваю и задыхаюсь от новых ощущений, когда что-то внутри отзывается острым, ни с чем не сравнимым удовольствием.

Снова и снова.

Еще и еще.

До стонов, переходящих в выдохи. До выдохов, переходящих в стоны.

– Кричи, Шарлотта, – он скользит губами по моим губам, с силой подаваясь вперед.

И я кричу от жаркого удовольствия.

Удовольствия, собирающегося в одной-единственной точке, которой хочется коснуться пальцами. Словно прочитав мои мысли, он опускает мои бедра на покрывала, скользит ладонью между наших тел. Новое прикосновение отзывается вспышкой, невыносимо-жаркой, выбивающей меня из сознания.

Потому что в сознании не может быть так хорошо.

Так горячо.

Так сладко, как сейчас, когда мир вокруг рассыпается тысячами искр.

Не сразу понимаю, что это взрываются магические светильники, и в этих ослепительных вспышках на миг перестаю быть собой.

Ни с чем не сравнимое наслаждение пульсирует внутри, отзываясь в точке под его пальцами. Вырываясь моим протяжным шепотом-стоном:

– Эри-и-и-к...

И его рычанием, запускающим по телу волну.

Волну удовольствия, в которой мы содрогаемся вместе, я тону в его руках и собственных всхлипах до той минуты, пока он подается назад. Этот рывок не менее ощутим, чем когда он оказался внутри, но Эрик уже прижимает меня к себе. Подхватывает, обнимает, заворачивая в покрывало. Или

в себя.

Почему-то именно сейчас на ум приходит: «Я не позволю тебе замерзнуть», – и эта мысль отзывается во мне пронзительным теплом.

Я прижимаюсь к нему, вдыхая запах сандала и разгоряченного тела.

Чувствуя, как сильная ладонь скользит по спине, по взмокшим волосам: не то лаская, не то успокаивая.

– Вы прекрасны, мисс Шарлотта Руа, – произносит он.

Я лишь на миг открываю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

Темным и глубоким, как зимняя ночь за окном. Удивительно, как преобразились его черты, словно передо мной совсем другой человек.

– Вы тоже, месье Эрик.

Он касается моих губ, убирает со лба налипшие прядки и улыбается.

Я улыбаюсь в ответ – слабо, а потом позволяю себе крепче прижаться к нему и оплести рукой его грудь. Закрываю глаза и понимаю, что под ладонью по-прежнему жесткая ткань жилета: Эрик, в отличие от меня, одет. Это кажется неправильным, но почему, я понять не могу. Мысли путаются, ускользают, стекая в сон, и я падаю в него вслед за ними. Последнее, что слышу, это его шепот:

– Спи, моя светлая девочка.

«Я не позволю тебе замерзнуть».

Отголоски эха разносятся по лабиринтам коридоров. Пустынным коридорам театра, в которых я стою совершенно одна. Холод бежит по обнаженным плечам, стекает в глубокое декольте, заставляя кожу покрываться мурашками. Тишина такая, что слышен шорох моего платья, когда я иду вперед. Все ближе, ближе и ближе к бенуару, в котором меня ждет Эрик. Сердце бьется все быстрее, пальцы с силой сжимаются на атласной ткани. Мне невыносимо холодно, я обхватываю себя руками, но руки просто ледяные.

«Я не позволю тебе замерзну-у-у-уть».

Эхо его голоса вплавляется в шелест моих юбок, и получается шипение. Странное, мягкое, тягучее шипение, словно он произносит это нараспев, простуженным голосом. Но я уже почти дошла: отодвигаю тяжелые портьеры, шагаю внутрь, и... оказываюсь на сцене. На сцене, где удивительно красивая женщина (я не могу видеть ее лица, оно в темноте, но точно знаю, что это так), выгибается под ударами плети. Стоны мешаются с криками, пальцы сжимаются на обвивающих запястья веревках, тянущихся к изголовью кровати. Замираю, потому что в стоящем ко мне спиной мужчине уже узнаю его.

Это Эрик.

Волосы слегка растрепаны, ладонь обхватывает рукоять почти нежно, особенно когда он замахивается снова. Вместе с холодом по телу проходит дрожь и лицо вспыхивает огнем. В тот миг, когда плоть оставляет полосу на светлой коже, а затем взлетает снова, чтобы опуститься между широко разведенных ног в тонких ажурных чулках.

Больно должно быть ей, но криком захлебываюсь я.

Захлебываюсь, зажимаю рот, но уже поздно. Он оборачивается, и хвост плети медленно течет между влажных складок, по внутренней стороне бедер.

– Любишь подсматривать? – негромко произносит Эрик, и глаза его вспыхивают золотом. – Любишь лезть в чужую жизнь, Шарлотта?

– Нет, я...

Я не знаю, что ответить, просто отступаю назад, а он идет ко мне. Плеть ползет за ним покорной змеей, с шипением извиваясь по полу.

– Эрик, вернись ко мне, – шепчет женщина на кровати.

– Разумеется, я вернусь, – он говорит с ней, но смотрит на меня. Золото в его глазах сменяется пугающей тьмой, когда Эрик добавляет: – Только разберусь с одной бессовестной девочкой, Камилла.

Камилла?!

– Ты должна спать, – произносит он.

Замах – и хвост плети ложится в его ладонь, поверх пер-

чатки.

– Ты должна спать, но ты не спишь. Почему ты не спишь, Шарлотта-а-а?!

Эта фраза разрывает тишину и мое оцепенение.

Но такого просто не может быть! Не может, не может, не может!

Разворачиваюсь, чтобы бежать, но передо мной зрительный зал. Люстра вспыхивает пучками ламп, рассыпая свет рваными пятнами. Они собираются, стягиваются воедино изодранными краями и ползут ко мне. Повсюду темно, только я стою одна перед всем высшим светом Энгерии. В первом ряду вижу ее светлость Луизу и герцога, Патрика и Джулию. Чувствую, как на мне ключьями расплзается платье, обнажая меня перед всеми собравшимися здесь людьми. Пытаюсь прикрыться руками, но ничего не получается, дыхание перехватывает, холод бежит по телу вместе с обжигающим стыдом.

– Невероятно! – восклицает дама в темном платье. – История падшей женщины на королевской сцене Лигенбурга!

Лицо ее светлости искажает гримаса отвращения, она подхватывает юбки, чтобы уйти. Ее муж следует за ней, а за ними и все остальные. Но все это уже не имеет значения, потому что свист плети за спиной заставляет меня мысленно содрогнуться.

– Эрик, не надо! – сжавшись, кричу я.

Кричу так, что горло отзывается болью, дергаюсь, и...

просыпаюсь.

В комнате действительно холодно, но лишь потому, что камин так и не растопили. Его пасть скалится ледяным мрамором и зияющей темнотой, я лежу обнаженная, выпутавшаяся из покрывал. Горло действительно саднит, но скорее потому, что я замерзла, а еще саднит там, внизу. Вспоминаю обо всем, что произошло, заливаюсь краской и откидываюсь на подушки, подтягивая к себе одеяла.

Только сейчас понимаю, что я одна. Эрика рядом нет.

Не на огромной кровати, которая сейчас кажется еще больше из-за своей ледяной пустоты, его нет в спальне. Нет и в ванной, дверь плотно прикрыта, из-под нее не тянется даже крохотная полоска света, которой мне бы сейчас хватило. Хватило для чего?

Лежу и смотрю в потолок, перебирая ощущения, как бусины на четках. Хотя в связи с тем, что случилось, наверное, такие мысли просто кощунство. По крайней мере, в представлении всех добропорядочных леди, и... Перед глазами вспыхивает картина, как эти добропорядочные леди сидели с выражениями неприятия на лицах, а потом уходили, покусившись даже на пару хлопков в ладоши, и мне мигом становится на них наплевать. На них, на их мнение.

Но не на то, что произошло.

Что произошло, я пока осознать не могу. Могу принять, но не понять или вместить в себя это странное чувство... Чувство, когда дыхание сбивалось вместе с дыханием Эрика,

когда мы становились единым целым.

Когда по венам бежал огонь, а наши пальцы переплетались.

Что из этого было правдой? Почему он ушел?

Переворачиваюсь на другой бок, и тело немедленно отзывается на это простое и такое привычное движение. Странное ощущение: боль сменяется сладким тягучим жаром, стоит мне вспомнить о том, как он в меня входил.

Зарываюсь лицом в подушки, по сравнению с моими щеками они просто ледяные. В комнате темно: небо затянуто плотными тучами, не пропускающими даже частицу лунного света. Может, оно и к лучшему, иначе сейчас я могла бы видеть разбросанные во всей комнате вещи.

Мои.

Эрик так и не разделся.

Почему?

Этого я не знаю, равно как и не знаю, что связывает их с Камиллой. Мысли о ней мгновенно воскрешают в памяти сон. На миг представляю, что все это мне устроил он, но тут же отказываюсь от предположения. Зачем ему играть со мной во сне, когда игрушка в его постели?

Эта мысль отзывается внутри меня странной, обжигающей болью.

Что, если я и впрямь для него всего лишь игрушка, а потом он вернется к Камилле?

«Поздновато об этом думать», – ехидно шепчет внутрен-

ний голос, и я с ним соглашаюсь. Действительно поздновато.

А чтобы не думать, нужно просто встать и найти Эрика.

Вот только где? По сути, в этом доме я знаю только два места: спальню, в которой нахожусь, и мастерскую. Поэтому если Эрика нет в мастерской... Хотя, еще странную столовую с иероглифом опасности на потолке, но вряд ли я найду его в столовой в такое время. Остается только мастерская.

Правда, для начала нужно одеться. Представила, как я заворачиваюсь в сто десять одежек без помощи Сюин и мысленно покрылась мурашками от холода. Нет, мне не привыкать одеваться самой, но зачем одеваться в пустом доме?

Раньше сама мысль о таком показалась бы мне невозможной, но сейчас... Сейчас я поднялась, старательно завернулась в простыню, на всякий случай завязав ее узлом на груди. На плечи набросила теплое стеганое покрывало, дополнительно укутавшись им, как накидкой. Правда, крючков и петель на этой накидке не было, поэтому края приходилось держать руками, зато было тепло. Очень.

Если не считать босых ног.

Наверное, если идти быстро, я даже замерзнуть не успею.

Когда я найду его, о чем спрошу?

Почему ты ушел? Или: «Не собираешься ли ты в ближайшее время вернуться к Камилле?»

Стоит ли вообще куда-то идти?

Застыла у двери, но потом отмела все сомнения. В конце концов, бродить по дому одна я точно не буду. Не найду Эри-

ка в мастерской, значит, просто вернусь сюда и лягу спать.

Коридор встретил меня тишиной и неярким светом артефактов. Они вспыхивали и гасли за моей спиной, стоило отойти на несколько футов. Будь я в тувельках, единственным моим спутником было бы эхо шагов, но сейчас только еле слышно шуршали тянущиеся шлейфом покрывало и простыня.

Да, сказал бы мне кто-нибудь, что я буду разгуливать по дому Ормана в таком виде – простоволосая, завернутая в постельное белье, решила бы, что этот кто-то тронулся рассудком. Сейчас у меня такое чувство, что рассудком тронулась я, но почему-то меня это совсем не смущает. Разве что самую малость, и та малость терялась за спиной, как приглушенное сияние светильников.

Лестница уходила вверх множеством ступенек, и я коснулась перил. Мягкий настил под ногами не позволял ступням мерзнуть, хотя в доме было ощутимо холодно. Оно и неудивительно, меня изначально не оставляло чувство, что здесь никто не живет, сейчас же оно только усилилось. Ночью, когда темнота стягивалась в каждом уголке, этот особенняк выглядел еще более заброшенным, чем днем.

Зачем такой огромный дом, если ты живешь один?

То есть зачем, в принципе, понять можно, но люди, выбирающие такую роскошь, обычно содержат огромный штат прислуги и устраивают приемы, чтобы покрасоваться перед остальными. Либо же это дань обязательствам перед стату-

сом (как у де Мортена), но Орман никогда не задумывался о статусах.

Третий этаж и снова тишина. Я хорошо запоминала дорогу именно потому, что всегда обращала внимание на детали, вот и сейчас свет артефактов открывал передо мной воспоминания. От первого визита в мастерскую с Тхай-Лао до последнего, когда мы с Эриком были в ссоре после прогулки в лесу. Вот картина, совершенно не вписывающаяся в мои представления о том, что ему нравится. Яркий пейзаж, рассвет над лесом, в лучах солнца зелень насыщенного изумрудного цвета. Соседствует с ней пустое место, а у рамы сразу за поворотом облупилась позолота.

Диванчики для отдыха у стен, застывшие у дверей мастерской (как почетный караул ее величества) подсвечники. Из-за сияющих настенных артефактов я не могла сказать, горит ли за высокими дверями свет. Помедлив, шагнула вперед и распахнула их.

Эрик действительно оказался в мастерской, сидел у мольберта.

Заметив меня, вскинул голову и нахмурился.

– Почему ты не спишь, Шарлотта?

Эта простая фраза ударила меня навывлет. Не то потому, что я столько раз ее слышала, во снах и в воспоминаниях, разве что сейчас он не растягивал мое имя. Не то потому, что хотела услышать что-то другое.

Что именно?

За этой мыслью теряется все остальное, особенно когда он смотрит на меня. Холодно и жестко, пряди волос падают на лицо. Я очень хорошо помню, как они растрепались, возможно, именно это и останавливает меня от того, чтобы выйти за дверь.

– Я пришла к тебе.

Простой ответ, от которого его глаза темнеют еще сильнее. Он поднимается, и дыхание перехватывает.

Наверное, раньше мне не хватило бы на такое смелости, но сейчас я просто иду к нему. Наверное, это могло бы случиться со мной во сне, вот только сейчас я отчетливо понимаю, что это не сон. Потому что мастерская впитывает шаги моих босых ног, а белье стелется за спиной, как мантия королевы.

Да уж, сравнила.

С губ едва не срывается смешок, но вряд ли он сейчас будет уместен. Подхожу и останавливаюсь в двух шагах от него. Скольжу взглядом по губам, по губам Ормана, но не Эрика. Плотно сжатые, резкие, они ничуть не напоминают о невыносимо нежных поцелуях. Когда он такой, его лицо становится хищным, преображаясь в считанные минуты.

Вот только сейчас я не представляю, сколько минут прошло, прежде чем он стал таким.

В ту же минуту, как я закрыла глаза?

Или когда ушел от меня?

Его пальцы испачканы в краске, рубашка расстегнута на

верхнюю пуговицу, но жилет по-прежнему на нем. Тот, который я чувствовала под ладонью, проваливаясь в сон. Точно так же, как биение его сердца.

Легко касаюсь подушечками рамы мольберта, не затрагивая холст.

– Можно посмотреть?

Наверное, если он откажет сейчас, все будет гораздо проще. Потому что тогда я развернусь, выйду из мастерской и просто... нет, просто уже ничего не будет. Почему-то мне становится невыносимо страшно при мысли о том, что я могу услышать отказ. Может быть, из-за того что смотреть в затянутые грозовой теменью глаза хочется невыносимо долго. А может быть, потому что мне действительно интересно, как он пишет.

Ведь на свой портрет я так и не решилась взглянуть.

– Ты уверена, Шарлотта? – негромко произносит он.

И мне почему-то становится легче дышать.

Улыбаюсь и киваю, а Эрик протягивает мне руку. От прикосновения пальцев к его ладони по телу проходит дрожь. Он подтягивает меня ближе к себе, невыносимо близко, и растянувшиеся надолго мгновения мы смотрим друг другу в глаза. Не знаю, что он ищет во мне, но я теряюсь и соскальзываю в воспоминания, в которых его губы накрывали мои, обжигали поцелуями кожу. Наваждение отпускает в тот миг, когда он кладет ладони на мои плечи и медленно разворачивает к холсту.

Воздух во мне неожиданно заканчивается, и не только во мне.

В мастерской.

Повсюду.

Потому что на холсте я вижу себя.

Девушка на нем – это я и не я одновременно. В оплетенном веревками теле, в каждом его изгибе – искушение. Волосы огнем разметались по покрывалу, губы чуть приоткрыты на вдохе, на миг даже кажется, что заметно, как вздымается грудь. На белоснежной коже выделяются потемневшие тугие соски, съезжившиеся не то от холода, не то от возбуждения, и завитки рыжих волос в самом низу живота. Эти веревки, обжигающие кожу, я чувствую даже сейчас. Равно как помню то непристойное чувство: смесь стыда и желания, в котором еще не готова себе признаться.

Впрочем, на этой картине я вся – желание.

От кончиков пальцев рук, напряженных, дрожащих, до разведенных бедер.

Лица не видно под маской, разве что тонкие тени от ресниц на разлитом по серебру свете.

Все это настолько живо, настолько четко, настолько ярко и красиво прорисовано (каждая деталь, каждый штрих), что мне хочется дотронуться до волос девушки, чтобы почувствовать их под пальцами.

Если бы не знала, что смотрю на картину, решила бы, что смотрю в зеркало прошлого.

– Нравится? – хрипло спрашивает Эрик.

Он меня не касается, точнее... почти не касается. От его дыхания, скользящего по шее, по телу проходит дрожь.

Нравится ли мне? Я не знаю ответа на этот вопрос. Точнее, не хочу знать, потому что он не должен быть положительным. Мне не должно нравиться собственное распутство, но оно мне нравится. Мне нравится, какой меня видит он: соблазнительной, яркой, бесстыдной. Я никогда себя такой не считала.

Я никогда такой не была.

Или была всегда?

– Не молчи, Шарлотта, – он развернул меня к себе, вглядываясь в лицо.

– Мне нравится, – слова срываются с губ раньше, чем я успеваю их поймать.

– Тогда она твоя, – он касается пальцами моей щеки, и меня обжигает.

Один короткий, невинный жест, одно легкое прикосновение.

Мне не хочется думать, что было бы, скажи я, что мне не нравится. Не хочется, но перед глазами почему-то вспыхивает изумрудный огонь, пожирающий холст, и разрастающаяся в глазах Эрика дикая тьма.

– Давно ты пишешь? – спрашиваю, осторожно выворачиваясь из его объятий.

Ночью мастерская совсем не такая, как днем. Залитая све-

том магии, она кажется волшебной или потусторонней, столь же чуждой этому миру, как элленари, волшебный народ из легенд. По сказаниям, они приходили с обратной стороны лесов и холмов, надежно укрытые собственной магией от людских глаз. Наделенные нечеловеческой силой, необычайно красивые и столь же жестокие.

– Десять лет.

– Десять лет? – ахнула я.

Обернулась, чтобы встретить его взгляд.

– Что тебя так удивляет, Шарлотта?

– Наверное, то, что я до сих пор не слышала твоего имени в мире искусства. Ты где-нибудь выставлялся?

Он усмехнулся.

– Нет. К моим картинам мир еще не готов.

Прежде чем я успеваю спросить, что это значит, он приближается ко мне.

– Иди спать, Шарлотта.

– А если я не хочу?

– Не хочешь?

– Не хочу без тебя.

Наверное, стоило промолчать, но эта ночь изначально была неправильной. Острой, отчаянной, пронизанной смелыми поступками и непонятными чувствами, от которых до сих пор перехватывало дыхание. Точно так же его перехватило сейчас, когда пальцы Эрика легли на мой подбородок.

– Какая ты все-таки непослушная девочка.

Почему-то от этих слов все внутри переворачивается и становится горячо-горячо. Настолько, что хочется выпутаться из покрывала, в которое я по-прежнему кутаюсь.

– Ты хочешь видеть меня такой? – спрашиваю я.

– Такой?

– Такой, – киваю на картину.

Эрик на мгновение прикрывает глаза, а когда открывает, в них тают отголоски расплавленного золота. Еще одна сторона его магии, о которой мне невыносимо хочется спросить, но наверное, это лучше оставить до завтра. До того, как мы начнем обучение.

– Давай оставим этот разговор до завтра.

Вздрагиваю и смотрю на него: он повторил мои мысли. Почти слово в слово.

– Почему?

– Потому что на сегодня с тебя достаточно потрясений, Шарлотта.

Потрясений?

Он подхватывает меня на руки прежде, чем я успеваю переспросить. Покрывало все-таки ползет вниз, я едва успеваю его поймать. Кожа мгновенно покрывается мурашками, но сейчас я не уверена, что это от холода.

– Замерзла? – Эрик снова нахмурился.

– Я просто выпуталась из одеял, а камин был не затоплен...

– Ты выпуталась из покрывал, ты замерзла, ты пришла сю-

да босиком, и ты об этом молчала все это время?..

Дверь открывается пинком, без каких бы то ни было церемоний. Он идет по коридору так быстро, что я даже не успеваю что-либо сказать. Впрочем, слова сейчас лишние, от того, как хмурятся его брови, уже невероятно тепло. Он злится, потому что я не сказала о том, что замерзла. Эрик бросает на меня всего лишь один взгляд, но брови на переносице сходятся еще сильнее.

– Я сказал что-то смешное?

Качаю головой, но улыбка становится только шире.

– Шарлотта.

– Да, месье Эрик?

– Почему ты смеешься?

– Потому что ты за меня беспокоишься.

– Я беспокоюсь за то, что ты свалишься с простудой и не сможешь обучаться.

Да, об этом я как-то не подумала. О нашем договоре и о пункте, где я должна ответственно относиться к своему здоровью. Или что-то вроде.

– Пусти, – говорю я и упираюсь кулаками ему в грудь. – Я могу идти сама.

– Босиком?

– А почему бы и нет? – с вызовом смотрю на него.

– Потому что я тебя отнесу. Сиди смирно, Шарлотта.

Что-то такое в его голосе, а может быть, в глубине глаз, заставляет оставить все попытки вырваться. Я делаю вид, что

меня гораздо больше интересуют стены, чем он, например, завитки на светильниках.

Лестница, коридор и спальня.

Эрик толкает дверь плечом, а потом проходит внутрь и сажает меня в кресло.

– Сиди смирно, – повторяет он.

Как будто мне есть куда идти в этом особняке, где помимо нас только Тхай-Лао, призраки и эхо. Интересно, кстати, здесь есть призраки? Наверное, когда я освою магию, хотя бы немного, этот вопрос отпадет сам собой. Сама мысль о моей магии заставляет подтянуть колени к груди и обхватить их руками. Откуда у меня такая страшная сила? Насколько я помню, леди Ребекка магии не обучалась, да и ее отец, граф Велсфердский, не мог похвастать магическими способностями.

Может ли статься, что сила досталась мне от отца?

Каким он был?..

Эрик застаёт меня за этими мыслями, когда выходит из ванной. Прежде чем успеваю пискнуть, подхватывает и заносит внутрь. От кресла, которое зацепила магия смерти, не осталось даже воспоминаний, на его месте стоит другое. В него меня и опускают, заставляя сунуть ноги в глубокий таз с горячей водой.

– В ванную тебе сейчас нельзя, – говорит он. – Поэтому сиди здесь.

– Смирно? – я вскидываю брови.

Эрик замирает и смотрит пристально-пристально.

Потом произносит:

– Все верно. Смирно, Шарлотта.

Мне очень хочется проверить, что будет, если я не стану сидеть смирно, но он уже выходит за дверь. От горячей воды ноги согреваются мгновенно, а вместе с ними согреваюсь я вся. Покрывало больше не нужно, я позволяю ему сползти на пол, и только тут замечаю, что ковер тоже заменили. Ни следа испепеляющей темной силы.

Глаза закрываются сами собой, поэтому приходится подпереть ладонью подбородок.

Смотрю на поднимающийся от тазика пар и пытаюсь поймать какую-нибудь фигурку в дымке, но она расплывчатая, как... как проступающая сквозь стену белесая тень. На мгновение она замирает над пустой ванной, обретая смутные очертания мужской фигуры, а потом рывком бросается вперед.

На меня.

Сидеть и трястись под одеялом – не самое лучшее завершение вечера. У меня по-прежнему зуб на зуб не попадал, только теперь уже точно не от холода. Чувство, что в тебя вливается чистая ярость и злоба, ледяная и неумолимая, заставляло внутренне сжиматься. Зубы звучно клацнули о чашку с чаем и настойкой, которую мне принес Эрик.

– Шарлотта, здесь нет призраков.

– Да? Тогда что я, по-твоему, видела?

– Уверена, что это был не сон?

– Если я не сплю сейчас, то в ванной точно был не сон, – отрезала я. – Почему ты мне не веришь?

– Потому что будь здесь призрак, я бы его почувствовал. Увидел.

– Но...

– Я говорил тебе про свое проклятие, Шарлотта, – голос его прозвучал глухо. – Я не маг смерти, но я вижу смерть. Вижу Грань. Вижу обратную сторону жизни и все, что с ней связано, потому что я умирал.

От такого признания даже я похолодела. Отставила чашку, чудом не промахнувшись мимо тумбочки, осторожно коснулась его руки.

– Прости.

– Это часть моей жизни, – он отмахнулся от собственных чувств, как от ничего не значащей ерунды, и руку отнял тут же. – Просто я хочу, чтобы ты была спокойна.

Наверное, именно так и стоит успокаивать девушек. Небрежным тоном заявляя, что ты умирал.

– Я... – после такого даже толком и не знаешь, что сказать. – Просто это чувство было настолько ярким...

Поежилась, вспоминая, как в меня врезалась белесая фигура. Врезалась сквозь мгновенно утративший краски мир, заполняя меня собой, лишая возможности дышать, пошевелиться, хоть слово сказать. Никогда раньше я не чувствовала

ничего подобного... никогда, и надеюсь, что уже не почувствую.

– Сны иногда бывают очень яркими, Шарлотта.

Да уж, кому как не ему это знать.

– Ты задремала, глядя на пар, а перед этим замерзла. Одно наложилось на другое...

В точности так же, как в предыдущем сне.

– Поэтому так и получилось.

– Надеюсь, – вздохнула.

– Только поэтому, – Эрик кивнул на чашку. – Допивай чай и спать. Помимо прочего, призраки не могут нападать на людей.

– Не могут? – я приподняла брови. – Почему?

Чашка в руках больше не дрожала, и это определенно радовало.

– Потому что это бестелесные существа, без сознания и тем более без разума. Отголосок испытанной человеком эмоции в последние минуты его жизни. Они остаются на местах смерти, привязаны к ним. Со временем их силы истощаются, и призраки просто развеиваются без следа.

– А люди... то есть... все так остаются после смерти?

– Нет, только те, кто испытал какое-то сильное чувство в момент гибели. Чаще всего призраки – последствия насильственной смерти.

Я поежилась.

– Они что-нибудь чувствуют?

– Только последние отголоски испытанного.

Брр, ужас-то какой. Все время чувствовать страх, боль или ярость...

И снова я мысленно вернулась к случившемуся. В моем сне, как уверял Эрик, этот призрак, это непонятное существо, точно было злым. Не просто злым, это был сгусток концентрированной ненависти, направленной на меня.

– Подозреваю, что совсем не так, как мы, Шарлотта. То, что остается, это уже не человек. Сгусток, всплеск, бесформенное неопределенное нечто.

– То есть призраки не могут обретать форму?

– Сейчас уже нет.

– Сейчас?

– Во времена расцвета цивилизации армалов существовала раса, которая изучала таинства некромагии. И не только некромагии, они собирали самые сильные заклинания из самых разных отраслей магии, экспериментировали и получали... иногда самые непредсказуемые результаты. Но об этом не стоит говорить вслух.

– Почему?

– Потому что большинство их заклинаний относится к запрещенным. Почти все они на крови, из-за этого настолько сильны. Они содержат в себе знания, повторить которые не брались даже сильнейшие маги Темных времен. Одно из таких – заключение сознания в оболочку призрака, накопление силы, принятие формы и возвращение разума.

– О... – только и сказала я.

Чай кончился, но я продолжала держать чашку в руках. Она немного грела ладони, или уже ладони грели ее?

– Так что живи ты в то время, призрак вполне мог броситься на тебя, – Эрик покачал головой. – Но не сейчас.

Ладно, это меня немного успокоило. Ключевое слово «немного», потому что мне все равно было не по себе. Глаза начинались слипаться (не представляю, что такого было в этом чудесном чае, но догадываюсь, что какая-нибудь настойка вроде усыпившей меня в прошлый раз в ванной).

– Это радует, – пробормотала я, сползая на подушки.

Камин был растоплен, и в комнате стало очень тепло. Языки пламени оживляли неуютную, безликую обстановку. Темно-синий в обивке стал густым и насыщенным, по вплетавшемуся в черное серебру узоров бежали теплые искры. Если забыть о том, что за дверями – огромный пустынный дом, то можно представить себе сияющий огнями особняк, наполненный голосами, шелестом платьев, перешептываниями горничных и звонким смехом детей.

Детей?

Эта мысль поразила меня настолько, что я широко распахнула глаза.

Чтобы наткнуться на внимательный взгляд Эрика. Живой огонь отблесками играл на его волосах, согревая даже иней пряди.

– Не бойся, Шарлотта. Призраки больше не потревожат

тебя даже во снах.

– Почему?

– Потому что я буду рядом.

Он лег, притягивая закутанную в кокон покрывал меня ближе. Я выкрутилась из свертка и потянулась к нему, чтобы расстегнуть жилет, но Эрик перехватил мои руки.

– Я разденусь позже. Сам.

Почему?

Этот вопрос я поймала на губах, в ответ только молча кивнула. Холод, которым потянуло от него несмотря на прогретую спальню, отразился в серых глазах, но я все равно обняла. Обняла и прижалась, устраиваясь у него на плече, стараясь вложить в эти объятия все тепло, что во мне было.

«Потому что я умирал».

Не знаю, что произошло в его жизни, но после такого, должно быть, очень сложно согреться.

Не знаю, но постараюсь его согреть.

– Ты чудесно поработала, Шарлотта. Молодец!

Несмотря на то, что поработала я пока что относительно (мне все было в новинку в мастерской декораций, и я больше мешалась, чем помогала), щеки покраснели от похвалы. Возможно потому, что она была искренней: мистер Стейдж, художник-декоратор театра ее светлости, всегда говорил искренне. Среди его подчиненных я была единственной девушкой, но кажется, это никого здесь не смущало. Ко мне вообще отнеслись очень тепло, не только не бросали косые взгляды (чего, признаться, я очень боялась), но еще и всячески опекали.

– Спасибо, – ответила я. – Мне было очень приятно работать с вами.

– Вот и хорошо. Завтра продолжим, – он кивнул на начинавший обретать очертания эскиз, который мы воссоздавали с утвержденного макета, стоявшего на столе. – Тебе далеко добираться до дома?

– Нет, мне... – тут я вспомнила, что мне еще предстоит занятия с Эриком. – Просто нужно еще кое-куда по делам.

– Ну, хорошо, – мистер Стейдж кивнул. – В таком случае хорошего тебе вечера.

– Хорошего вечера, – я сделала книксен.

– Давай обойдемся без этих формальностей, – он махнул рукой. – Мы все здесь художники, и все немного сумасшедшие, верно? Так что нам простительно. Доброго вечера, Шарлотта.

Он поднялся, чтобы открыть мне дверь, и я вышла из кабинета.

Театр ее светлости был небольшой, но я все равно еще немного путалась в расположении коридоров. В служебной части на втором этаже располагались кабинеты антрепренера, мистера Стейджа и других руководителей, на первом устроились гримерные. Кажется, если пойти направо, будет выход к подъему над сценой, а вот налево как раз лестница, ведущая вниз.

Память меня не подвела, спустя несколько минут я уже стояла у служебного входа, раздумывая, как быть дальше. В Дэрнс не ходил общественный транспорт: действительно, кому он нужен в таком районе, где каждый может позволить себе личный экипаж или мобиль.

Похоже, придется внести в статью расходов поездки до Дэрнса. Вот только, наверное, выгоднее будет брать экипаж, доехав до ближайшей остановки.

Пока я об этом раздумывала, рядом раздался негромкий голос Тхай-Лао:

– Мисс Руа. Прошу вас.

Я настолько не ожидала его увидеть, что сейчас растерянно моргнула. Утром Эрик нанял мне экипаж, а впрочем,

утро вообще выдалось суетным. Я проснулась на рассвете и вспомнила, что мне сегодня на работу. Не считая вечернего платья, которое благодаря небрежному отношению тоже было не в лучшем состоянии, у меня не было никакой одежды.

К счастью, пока мы завтракали (если так можно выразиться, мне кусок в горло не лез), Эрик послал за моим повседневным нарядом, и мне его привезли. Отглаженное и готовое к выходу светло-серое платье.

– Тебе пора переставать носить свои мышинные наряды, Шарлотта, – хмыкнул он, едва увидел меня в нем.

В другое время я бы искренне оскорбилась, но сейчас волновалась настолько, что даже оставила это замечание без внимания. Сейчас внимание вернулось: и к замечанию, и ко встрече Тхай-Лао, и к пробуждению. Проснулась я сегодня одна, подушка рядом была примята, но Эрика рядом со мной уже не было. Он вышел из ванной спустя пару минут, полностью одетый и невыносимо далекий, насколько мне показалось.

Возможно, только показалось.

По крайней мере, сейчас мне бы очень хотелось в это верить.

– Пойдемте, нас ждет экипаж, – иньфаец указал в сторону стоявшей у стены кареты.

Лошади перетаптывались, кучер откровенно скучал. Серое небо затягивали еще более плотные тучи, грозящие вот-вот разразиться снегом. Сумерки обволакивали серый ка-

мень мостовой, стирали цвета со стен лавочек и домов. Насколько я поняла, мой новый дом находился где-то неподалеку, но где именно, я пока не представляла. Вчера мне так и не удалось там побывать, потому что...

Тхай-Лао подал мне руку, помогая ступить на подножку, сам забрался следом и постучал по стенке. Экипаж тронулся.

Я отодвинула шторку, делая вид, что меня интересуют улочки Лигенбурга. На самом деле украдкой скосила глаза на мужчину, пытаюсь угадать его настроение: как он на меня смотрит, не осуждает ли. Времени подумать о случившемся у меня было не то чтобы много, скорее, совсем не было. На новом месте приходилось вникать во все и стараться делать это быстро, чтобы не отвлекать от работы остальных, а по возможности еще и помогать. Сейчас же, когда основное напряжение схлынуло, вернулись сомнения, с которыми я вроде бы успешно справилась ночью.

В моем случае ключевым оказалось «вроде».

Иньфаец тоже смотрел в окно, поэтому мгновение, когда он обернулся, стало для меня полной неожиданностью.

– Пауль просил встретить вас, потому что занят, – пояснил он, спокойно глядя на меня. Интересно, его спокойствие и невозмутимость вообще возможно нарушить? – Но к нашему приезду он уже будет вас ждать.

Интересно, сколько мы будем заниматься?

Освободилась я не позднее, чем от Илайджи, то есть около четырех, пока доберемся, будет уже пять, в лучшем случае.

Когда я утром ехала в театр, руки у меня холодели по одному поводу. Теперь – по-другому. Ведь я теперь не просто его ученица, я... а кто я, собственно, для него? Имеет ли для него значение то, что между нами случилось?

Вчера ночью мне показалось, что для него это значит не меньше, чем для меня. Но сегодня утром он вел себя так, словно мы... ну, просто снова писали меня в его мастерской.

Еще и эта картина...

Воспоминания о веревках снова плеснули на щеки румянцем.

Да уж, нашла чему смущаться, Шарлотта. После такой ночи.

– Как вы познакомились? – спросила я, чтобы немного отвлечься от темы предстоящей встречи.

И обучения.

– Я обязан ему жизнью.

Жизнью?!

– Это история вашего знакомства? – спросила я, улыбнувшись.

Но Тхай-Лао не ответил на улыбку.

– Именно так.

Голос его звучал по-прежнему приветливо, но прохладно, из чего я сделала вывод, что поднимать эту тему не стоило. Впрочем, едва я пыталась поднять какую-то мало-мальски серьезную тему, касающуюся Эрика, как натыкалась на вежливое отчуждение. Сначала в разговорах с ним, и теперь вот

с Тхай-Лао.

– А Сюин? – попыталась зайти с другой стороны. – Она ваша сестра?

– Жена моего брата, мисс Руа.

И снова холодная вежливость.

Чувство было такое, что я разговариваю с кем-то из круга леди Ребекки или графа Вудворда, потому что рядом с Эби и другими никогда такого не испытывала. В общем-то, подобные разговоры всегда считались личными, но среди прислуги никогда не возбранялись. Я охотно слушала, как Эби рассказывает о своей сестре, о зяте, о внуках, и никогда не находила это скучным. Горничные, забежавшие к нам на кухню, тоже охотно делились семейными историями. Впрочем, возможно в Иньфае просто другие традиции.

– Я прошу прощения, если спросила что-то не то.

– Вам не за что извиняться.

Или Эрик запретил ему со мной разговаривать. Хотя с чего бы?

Понимая, что разговор затух, не успев разгореться, снова повернулась к окну. Вот только на сей раз руки похолодели еще сильнее.

Что, если Эрик действительно запретил ему говорить со мной?

Нет, Шарлотта, так невесть до чего можно додуматься.

Я сцепила пальцы, расцепила, поправила локон в простенькой, дальше некуда, прическе. Чем ближе становился

Дэрнс, тем сильнее колотилось сердце.

Какой будет наша новая встреча?

Чем ближе мы становились к дому, тем отчетливее я хотела... сама не знаю, чего.

Чтобы Эрик вышел меня встречать? Чтобы сказал – что?

Дом спал: это было видно еще издалека. Он выделялся из роскошных особняков Дэрнса темными окнами и молчаливой уединенностью. Так может стоять на балу старая дева, чуть поодаль от стайки дебютанток, лишенная их красок и привлекательности, мрачная и нелюдимая.

Не представляю, откуда в голове возникло это сравнение, но мне оно показалось весьма подходящим.

– Не сложно управлять таким огромным домом? – спросила я у Тхай-Лао.

Инфьяец покачал головой.

– Не сложнее, чем лачугой.

– Но здесь же столько комнат, за которыми нужно следить...

– У каждого дома есть свое сердце, мисс Руа. Главное его сразу почувствовать.

Сказать, что я ничего не поняла – значит, ничего не сказать. Но если у этого дома и было сердце, оно билось в каком-то особом ритме. Холодное, жесткое, оттаивающее только в мастерской. Вот она всегда была полна света, даже в самый пасмурный день или в самый ужасный (для меня, как когда-то казалось). Даже вчера ночью мне было там спокой-

но и уютно, хотя за ее пределами брала дрожь.

В ту минуту, когда я об этом подумала, экипаж остановился.

Тхай-Лао вышел и подал мне руку, а после проводил до дверей. По холлу растекался ненавязчивый, приглушенный свет, но вопреки моим предположениям, встречать нас вышел не Эрик. Сюин едва уловимо поклонилась, когда мы вошли. Дождалась, пока мужчина примет у меня пальто, а после кивнула:

– Пойдемте, мисс Шарлотта. Я вас провожу.

– Можно просто Шарлотта, – напомнила я.

– Хорошо.

На ходу бросила взгляд в зеркало: волосы слегка примялись под шляпкой, но в целом я выглядела довольно-таки привлекательно.

И вовсе у меня не мышинные платья!

По просторному коридору мы направились в крыло, где мне раньше бывать не доводилось. По крайней мере, тот странный иероглиф опасности на потолке, кажется, остался в комнате по правую руку от холла. Сюин не торопилась, но и заговаривать не спешила, а идти в тишине было, по меньшей мере, странно.

– Я думала, ты здесь не бываешь, – произнесла, чтобы нарушить молчание.

– Очень редко. Когда требуется моя помощь, как сегодня.

– Помощь?

– Да, я готовила ужин, пока Тхай-Лао вас встречал.

– Ужин? – я даже чуть замедлила шаг. – Но...

– Здесь две столовые. Даже три. Одна, где предпочитает обедать Пауль.

Я обратила внимание на то, что она тоже называет его Пауль.

– Вторая малая, куда мы сейчас идем. И третья для приема гостей, но она закрыта.

Учитывая, что гостей у Эрика не бывает...

Эта мысль мигом вылетела из головы, когда Сюин приоткрыла передо мной дверь. Я скорее почувствовала его, чем увидела, потому что в малой столовой горели всего лишь две свечи. Портьеры были плотно задернуты, не пропуская даже капельку света от фонарей с отрезанной каменными стенами улицы. Показалось, что в груди кончился воздух, а может быть, он и впрямь кончился, когда я шагнула вперед, а дверь с мягким щелчком закрылась.

Порыв воздуха скользнул по щеке, пощекотав выпущенной из прически прядкой лицо.

– Здравствуй, Шарлотта.

Голос Эрика прозвучал из-за спины, и я едва не отпрыгнула. Обернувшись, глядя на мужчину, стоящего в двух шагах от меня. С зачесанными назад волосами он выглядел как-то слишком официально. В серых глазах, помимо неопределенности тумана, застыли отблески стекающего со стен серебра.

– Здравствуй. Ты... – только сейчас заметила, что за его

спиной ниша.

Открытая, вроде тех, в которые ставят вазы и прочие предметы искусства. Сейчас она была пуста, точно так же, как и вторая: присмотревшись, заметила еще одну справа от дверей.

– В этом доме тоже много потайных комнат?

– Этот дом невероятно скучен, – он взял мою руку в свою. – Пойдем ужинать.

– Тогда зачем он тебе?

Эрик отпустил мою ладонь и отодвинул для меня стул.

– У тебя графит на лице, Шарлотта.

– Что? Правда?

Прежде чем я успела достать зеркальце, он коснулся пальцами моих губ, размыкая их. Я даже вздохнуть не успела, когда надавил сильнее, заставляя приоткрыть рот, а потом скользнул влажными подушечками по щеке. Беспардонно-интимный жест заставил замереть, пока Эрик стирал следы моего рабочего дня с кожи. Наверное, стоило его остановить, убрать руку или сказать, что приличные люди для такого пользуются платком, но...

Ничего приличного рядом с ним со мной не происходило.

Несколько долгих мгновений он смотрел мне в глаза, смотрел так глубоко, что я забывала дышать. После чего коснулся спинки стула.

– Полотенце для рук, – Эрик указал на стоявшую рядом с приборами странную коробочку с крышкой. – Горячее. Не

обожгись.

И правда, стоило мне стянуть перчатки и снять крышку, как изнутри повалил пар: влажное полотенце приятно пахло травами. Дожидаясь, пока оно остынет, взглянула на Эрика. Вопреки этикету и любым правилам, его место оказалось совсем рядом с моим. Не напротив, не во главе стола, а рядом. Даже свечи, плачущие от жара, были плотно придвинуты друг к другу. Возможно, именно поэтому в комнате было так темно: их свет едва перетекал на нас и на блюда.

– Что тебе положить, Шарлотта? Салат или жаркое?

– Салат, – пробормотала я. – И жаркое.

Хотя решительно не представляла, из чего этот странный салат с какими-то прозрачными белыми макаронинами: тонюсенькими, как иглы, и длинными, как нитки. Зато жаркое пахло так, что мне даже захотелось есть. Несмотря на то, что днем мы только немного перекусили пирогом, припасенным одним из художников, голодной я себя не чувствовала. До этой минуты.

– Как прошел твой день?

– Чудесно, – выдохнула я, чувствуя себя неловко от того, что приходится сидеть так близко к нему. Возможно, после случившегося понятие «неловко» было чересчур громким, но именно это я сейчас и испытывала.

– Чудесно, – повторил Эрик и потянулся к высокой глиняной бутылки, чтобы наполнить мой бокал.

– Нет! – вскрикнула я и тут же добавила. – После вчераш-

него...

– Здесь нет алкоголя, Шарлотта. Это напиток на основе иньфайских ягод и трав, который снимает усталость, придает сил и пробуждает аппетит.

– А, – сказала я, все еще недоверчиво косясь на бутылку. – Тогда ладно. Хотя на аппетит я не жалуюсь.

Эрик улыбнулся.

– Похоже, ты единственная леди, готовая открыто признаться в своих аппетитах.

– Аппетитах?

– Вчера ты открыто признавалась в аппетитах, никак не связанных с едой.

От такого заявления я чуть не уронила салфетку, которую собиралась расстелить на коленях.

– Ты мог бы говорить об этом не так откровенно?

– Мог бы. Но не хочу. Особенно рядом с тобой.

По цвету напиток напоминал вино, а вот по запаху – скорее, ягодный компот, который летом так любила готовить Эби. Правда, в винах я не особо разбиралась, а если быть точной, не разбиралась совсем. Иначе не выпила бы вчера столько пузырьков.

Интересно, с Камиллой он тоже так откровенно обо всем разговаривает?

Наверняка!

Ревность кольнула сердце металлической занозой, причем по ощущениям, эту занозу для начала сунули в кипяток.

– Не думаю, что я единственная, – хмыкнула я и разгладила салфетку, – готовая в таком признаваться.

– В аппетитах по поводу еды точно единственная, – ответил он. – За чудесный вечер, Шарлотта.

– За быстрое обучение, – заметила я и подняла бокал.

– Значит, тебе понравилось в театре?

– Очень, – заметила я. – Там столько хороших людей... и все они удивительно тепло ко мне отнеслись. Каждый норovil подать стул, если я уставала, или принести чай.

Глаза Эрика сверкнули, но я только подцепила вилкой кусочек мяса.

– Безумно приятно, когда мужчины признают твои способности и не стесняются об этом говорить.

– Приятно? – вот теперь его глаза потемнели, а может быть, это мне просто показалось.

– Безумно, – добавила я с улыбкой.

Которая, впрочем, тут же погасла, когда в его глазах отразилось пламя свечей. Раньше я думала, что такое только в книгах пишут, но нет, язычки пламени словно перетекли в радужку и обратно. Только на этот раз свечи словно впитали холод и темноту, даже потускнели слегка.

– Мне кажется, должность художника-декоратора может помешать обучению, Шарлотта.

– Что?!

– И как твой наставник я вынужден настоять, чтобы ты отказалась от места.

– Ты шутишь? – я отложила вилку и попыталась улыбнуться.

Не получилось.

– Вовсе нет.

– И каким же образом моя должность может помешать обучению?

– Ты поздно возвращаешься.

– Что?!

– Поздно возвращаешься, – Эрик положил руку на спинку моего стула. – В то время, когда по-хорошему тебе стоит отдыхать и читать теорию, практику по которой мы будем отрабатывать на следующее утро.

Внутри все сжалось.

– Я говорила тебе о том, что буду работать, когда подписывала договор.

– Знаю, – он смотрел на меня, и цвет его глаз сейчас напоминал штормовое море. – Но ты его подписала, а там ясно сказано, что ты обязана подчиняться мне во всем, что касается обучения.

– Это не касается обучения! – меня затрясло. – Эрик! Мы же договорились...

– Устная договоренность перед магическим договором не значит ровным счетом ничего.

От жестокости холодных слов на глаза чуть не навернулись слезы. Я не могла поверить в то, что мне придется расстаться с работой... с работой, которая так меня вдохновля-

ла. Всевидящий, сегодня утром я ехала туда и тряслась от страха, но эти люди, все они, и мистер Стейдж, и его помощники, действительно оказались очень милыми. Любезными, внимательными, добрыми, а работа с ними каждую минуту была мне в удовольствие.

– Эрик, пожалуйста, – прошептала я. – Ты не можешь так со мной поступить...

– Могу. И поступлю, – в море отразились не то вспышки молний, не то огонь свечей.

Снова.

– Если ты еще хоть раз вздумаешь говорить со мной о других мужчинах.

Что?!

Я молча хлопала глазами, пытаюсь переварить случившееся. То есть все, что он сейчас говорил... все, что заставил меня пережить: страх лишиться нового места, отчаяние, сомнения – это все потому, что я осмелилась с ним так говорить?

В груди что-то дрогнуло, я отшвырнула салфетку и выскочила из-за стола, чудом не опрокинув стул. Бросилась к двери, испытывая одно-единственное желание: оказаться как можно дальше от него.

Успела лишь коснуться дверной ручки, когда меня перехватили за талию и толкнули к стене. Зажатая между ним и шелком обивки, рванулась, но тщетно. Эрик перехватил мои запястья, завел руки над головой, вжимая всем телом в сте-

ну. Сейчас, когда все внутри разрывалось от обиды, эта близость не вызывала ничего, кроме желания освободиться. От него, от чувства, которое рождал внутри его голос:

– Не смей заставлять меня ревновать, Шарлотта.

Пальцы на запястьях сжались сильнее, вторая ладонь скользнула по моей шее, и я вздрогнула. В том, как он вжимал меня в стену, было что-то дикое, бессовестно-острое и совершенно непохожее на случившееся между нами ночью. Неправильное, невыносимое, безумное. Притягательное и отталкивающее одновременно. Когда пальцы сжались на моей шее, перед глазами потемнело. Насколько может потемнеть в комнате, в которой и света-то толком нет.

Только бессильные язычки пламени, пытающиеся сорваться с восковой привязи.

Безуспешно.

Как я.

Он почти ничего не делал, только прижимал меня к себе, но дыхание участилось. Дыхание, которого не хватало, потому что его ладонь давила на мое горло.

По телу снова прошла дрожь, от которой мне стало страшно.

Пожалуй, страшнее, чем от того, что сейчас между нами творилось.

– Эрик, – прошептала еле слышно, насколько хватило сил. – Отпусти. Отпусти, ты меня пугаешь.

Он медленно разжал руку, так медленно, что я почти по-

чувствовала, как моя грудь раскрывается навстречу возможности вдохнуть в полную силу. И так же медленно освободил запястья, в которые впивался тонкий узор настенной обивки.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, обернулась.

Чтобы снова увидеть это странное золото в его глазах.

– Давай вернемся за стол, – он протянул мне руку.

Помедлив, вложила в нее ладонь и вздрогнула: слишком яркими были воспоминания о том, как она сжималась на моей шее. В этом собственническом, жестоком жесте не было ничего привлекательного, но я до сих пор ощущала давление пальцев на кожу. Плавно усиливающееся с каждой минутой, заставляющее меня слабеть и поддаваться этому наваждению. Усилием воли отогнала эти мысли, опускаясь на стул и чувствуя легкую дрожь в пальцах.

«Он любит причинять женщинам боль, Шарлотта».

– В Иньфае считается неуважением садиться далеко от гостя, – произнес Эрик, – и уж тем более разделять себя преградой стола.

Он говорил об этом так спокойно, словно между нами ничего не произошло.

– Исключение – когда гостей много. Ешь, Шарлотта. Жаркое может остыть.

И я ела, хотя кусок в горло не лез. Понимала, что нужно затолкать в себя хотя бы что-то, чтобы во время занятий желудок не начал урчать, а голова кружиться. Поэтому съела все, что он мне положил, вдобавок щедро запила это пред-

ложенным мне напитком, который на вкус чем-то напоминал приправленный травами компот. Необычно, но после него и впрямь почувствовала прилив сил. Никакой «пузырьковости» не последовало, напротив, разум прояснился, как если бы я только что проснулась.

Но в этом сне осталось то, что я отчаянно хотела забыть.

– Где мы будем заниматься? – спросила, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– В библиотеке. Начнем с теории.

– А практика? Как скоро я смогу начать практические занятия?

– Думаю, через неделю.

– Через неделю?!

– Что тебя так удивляет?

– Не знаю, – пожала плечами. – Возможно, то, что ты говорил о магии смерти. Я ведь могу кому-то причинить вред...

– Не причинишь.

– Не причиню? А что насчет кресла и ковра в ванной, которые тебе пришлось поменять?

– Это был единичный случай. Больше такое не повторится.

Он говорил, как выдавал информацию из справочника. Из весьма запутанного справочника, в котором одно слово расходилось с другим.

– Не повторится? Но ведь магия смерти...

– Твоя магия не имеет отношения к магии смерти, – Эрик

повернулся, чтобы встретить мой взгляд.

– То есть как?!

– Твоя магия – полная ей противоположность. Ее называют магией жизни.

Не в силах поверить в услышанное, замерла. Магия жизни?!

– Но ты говорил...

– Я помню, что я говорил, Шарлотта.

Помнит?! Все это время я думала, что моя магия способна убить, все это время, когда сходила с ума от переживаний, когда мучилась от неизвестности, когда...

– Но как же то, что произошло?! Что это было?

– Это способность сродни моей. Ты тоже видишь смерть.

– Но ты... ты видишь ее, потому что ты...

Осеклась.

Внутри все мелко подрагивало, дрожь перетекала в пальцы и бежала по телу. Эрик молчал, но мне не нужны были слова, его взгляд говорил о том, что я и так знала.

Потому что я умирала. Я тоже умирала, как и он.

Вот теперь меня затрясло и затрясло по-настоящему. То, что я не помнила свою смерть, точнее, свою к ней близость, еще не значит, что этого не было.

Вскочила, комкая в руках салфетку.

– И ты только сейчас это говоришь?! Эрик, это не просто магия, это... моя жизнь. Ты должен был сказать об этом до того, как я подписала договор!

Глаза Эрика сверкнули сталью.

– Сказать тебе? Когда, Шарлотта? Я сам узнал об этом, когда ты сказала про ожившие розы. Сказать тебе, что ты умирала, когда ты и правда чуть не умерла?

Он поднялся вслед за мной, и мы оказались лицом к лицу.

– Я. Чуть. Не потерял тебя. Тогда.

Сейчас это был голос Ормана: надломленный, низкий, глухой. Не успела даже опомниться, как его ладонь легла мне на затылок, а губы прижались к моим. Раскрывая и выпивая мое дыхание, сжигая остатки сомнений. Сейчас я сама подалась к нему, отвечая на поцелуй. Прижимаясь и чувствуя, как резкими сильными ударами отзывается под ладонью его сердце. Он целовал меня так, словно в последний раз, и этот поцелуй ничем не напоминал все, что у нас было раньше.

Рваный.

Между вздохами, которых не хватало.

От этого поцелуя горели губы. От прикосновения его ладони, мягкого и в то же время уверенно-сильного, горела я вся. До той минуты, когда Эрик хрипло выдохнул и отстранился. Если так можно выразиться: несколько дюймов между нами, текущее по коже дыхание и пальцы, перебирающие мои волосы.

– Обещай, что больше не будешь умалчивать ни о чем, что касается меня, – попросила серьезно. – Особенно о моей магии. Пожалуйста.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Обещаю. А ты обещай, что не будешь заставлять меня ревновать, Шарлотта. Ты моя и только моя.

Взгляд его потемнел, но в груди почему-то стало тепло. Так тепло, что никакой камин не нужен.

– Обещаю, – ответила в тон ему.

– Хочешь десерт?

– Разве что чаю, – ответила, глядя в эти плывущие глаза. – А ты?

– Он у меня уже был.

Несмотря на то, что надо бы уже отучиться от этой вредной привычки, я покраснела.

– О чем ты сейчас подумала, Шарлотта?

– О том, что... нам, наверное, пора в библиотеку?

Попыталась вывернуться из его рук, но Эрик перехватил меня и привлек к себе.

– Упрекаешь меня в том, что я слишком прямолинеен?

– О чем ты?

На сей раз мое сердце колотилось так, что я не слышала собственного дыхания.

– Об откровенности. И аппетитах.

Я покраснела еще сильнее.

– Похоже, учить тебя придется не только магии, Шарлотта. Но еще и открыто выражать свои чувства и желания. Говорить о том, что тебе нравится, и не прятать глаза.

«И ничего я не прячу», – подумала я, разглядывая что-то за его спиной.

– Посмотри на меня.

– Может быть, уже займемся магией? – поинтересовалась я, глядя на темную виньетку на стене.

– Займемся. Магией.

Почему его устами даже это звучит неприлично?

– Но не раньше, чем ты выполнишь мою просьбу.

Вздыхнула и посмотрела на него.

– Так о чем ты подумала, Шарлотта?

– О поцелуе?

– Это вопрос?

– Эрик! – выдохнула я. – Спрашивать о таком неприлично!

– И думать тоже, но невероятно возбуждает, правда?

Я сейчас сгорю со стыда!

– Хорошо. Сегодня я тебя отпущу, – произнес он и даже почти разжал руки.

Сегодня?

– Но начиная с завтрашнего дня ты будешь говорить мне обо всех своих желаниях, не скрываясь и не таясь.

Еще чего!

– А если вздумаете краснеть и отмалчиваться, мисс Руа, будете получать дополнительные задания.

Что-о-о?!

Мои щеки заалели так, что никакие артефакты не нужны.

– Немедленно отпустите, месье Орман!

– Немедленно? – хмыкнул он.

Но все-таки отпустил.

– Если вы так стремитесь начать обучение, – я с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить лишнего, – я бы предположила, чтобы мы перешли в библиотеку и к этому приступили. Наконец-то.

– Как пожелаешь.

По столовой пронесся порыв ветра, загасивший уставшие дрожать свечи. Ледяная вуаль тумана протянулась по утраченной последней искорки света комнате и растаяла без следа.

К счастью, в эту же минуту вспыхнули артефакты, указывая мне дорогу к дверям.

Мы прошли бесконечными коридорами, едва касаясь друг друга кончиками пальцев. Избежать этих прикосновений не удавалось, потому что стоило мне сдвинуться к стене, Эрик тут же приближался. Честно говоря, совсем не хотелось проверять, что будет, когда между мной и стеной кончатся последние дюймы.

Остановиться пришлось у высоких дверей, закрытых между колоннами: этот... месье Орман замедлил шаг и указал на узорчатые тяжелые створки.

– Мы пришли, Шарлотта.

Его пальцы едва шевельнулись – и перед глазами полыхнула фиолетовая дымка. Охранное заклинание.

– Оно тоже отрывает руку? – не удержалась. – Или сразу голову?

– Сжигает, – заметил он. – Медленно. Изнутри. Так, чтобы к прибытию хозяина вор уже корчился от боли, но был еще в состоянии отвечать на вопросы.

Поскольку слов во мне не нашлось, Эрик легко коснулся ручки и толкнул дверь.

– Прошу.

Такие двери могли бы вести в бальную залу, но вели в библиотеку.

В библиотеку, какой мне раньше не доводилось видеть. Все три этажа особняка этого бесконечного зала были заставлены книгами. На каждом имелось несколько лестниц на колесиках (каждая в своем секторе), в начале каждого коридора – каталоги, лежащие на невысоких, в половину моего роста подставках. Такую библиотеку не соберешь за год и даже за два, такую библиотеку собирают десятилетиями, а то и веками.

Откуда у Эрика, занимающегося производством мобильных, такая библиотека?

Нет, не так: откуда у Эрика, занимающегося производством мобильных в Вэлее, такая библиотека в Энгерии?

И... почему она в Энгерии?

Стоило нам войти, как на стенах вспыхнули артефакты, и зал, по крайней мере, нижний его уровень, согрело теплым светом. Чтобы оценить библиотеку, пришлось задрать голову: настолько огромной она была.

Стоявший у окна одинокий стол однозначно намекал на то, что кроме Эрика ею никто не пользуется.

– Садись, Шарлотта, – Эрик кивнул, предлагая мне выбрать либо кресло у стола, либо диванчик, пристроившийся рядом.

– Ты не выносишь отсюда книги? – поинтересовалась я. Он пристально взглянул на меня.

– Выношу.

Тогда для чего здесь эта мебель? Для меня, что ли, поставили?

Поскольку Эрик повернулся ко мне спиной, рассматривая полки, мне не оставалось ничего другого, как подойти к столу. Помедлив, все-таки опустилась на диванчик: неудобно будет, если я займу его место. А он неожиданно вскинул руку, и на моих глазах книга с третьего этажа буквально выскочила с полки. Словно подчиняясь невидимому аркану, мягко легла ему в руку. То же произошло еще с несколькими, он собирал их, не двигаясь с места и даже не заглядывая в

каталог.

Я же замерла, глядя на то, как легко он управляется с магией. То, что мне довелось видеть раньше, скорее напоминало демонстрацию силы или было необходимостью (например, портал, когда он перебросил нас к полицейскому участку), но сейчас... Эрик напоминал пианиста, к которому по невидимым струнам стекалась мелодия знаний. Движения его пальцев, легкие и уверенные, подчиняли пока что неведомые мне силы.

– Все, – сообщил он, направляясь ко мне. – Пожалуй, для начала хватит.

Для начала?

На стол легло восемь увесистых книг. Большая часть из них была написана на вэлейском, но внимание привлекла одна, на совершенно незнакомом мне языке. По крайней мере, корешок прочитать так и не удалось.

– Древний арнейский, – пояснил Эрик. – Язык армалов.

– А... понятно, – сказала я.

Хотя на самом деле понятно было только то, что в этой книге мне ничего не будет понятно. Наверное, эта мысль отразилась в моих глазах, потому что Эрик снял несколько верхних книг и вручил мне «Арнейский для начинающих магов».

– Это тебе поможет, – произнес он. – На первых порах.

– Я думала, на первых порах мне поможет ты.

– Разумеется. Но если ты действительно хочешь чего-то

достичь в магии, тебе придется учить арнейский, Шарлотта. На нем написано большинство мало-мальски стоящих книг.

– Разве не существует переводов?

– Частично. Большую часть знаний сильные маги предпочитают хранить на древнем языке.

Еще раз окинула взглядом библиотеку: чем дольше я здесь находилась, тем больше становилось не по себе. Это же не просто книги, это, судя по всему, настоящее богатство.

– Откуда они у тебя? – спросила негромко.

– Эта библиотека принадлежала моему отцу.

Эрик так резко дернул кресло, что оно жалобно скрежетнуло ножками.

– Сюда, Шарлотта.

Вспомнила, что он говорил об отце, и продолжать разговор не решилась. Можно ли считать правдой то, что услышала во сне? Зная Эрика, можно. Судя по непроницаемому выражению лица, говорящему не больше чем маска, тема семьи была для него не самой приятной.

– Прости, – произнесла негромко и коснулась его руки. – Я не хотела.

В его глазах мелькнуло что-то странное: едва уловимое, настоящее, живое и острое. Мелькнуло, чтобы тут же исчезнуть за привычной отстраненностью.

– Вернемся к обучению.

Он указал на книги. Точнее, на ту, что положил рядом со мной. Остальные разместил на столе в понятном ему одному

порядке.

– «Основы магии жизни». Начнем с нее. И еще вот с этого, – Эрик уперся пальцами в книгу и подвинул ближе ко мне.

«Таинства грани».

Название на вэлейском однозначно намекало, что этот трактат толщиной с мою ладонь принадлежит к разделу некромагии.

– Из-за своей особенности ты будешь уходить на грань, поэтому нужно научиться делать это осознанно. В том числе выбираться оттуда, когда это происходит не вовремя.

– Все книги на вэлейском, – пробормотала я.

– Тебя это смущает?

– Нет.

В силу того, что мне приходилось работать гувернанткой, вэлейский я знала хорошо.

– Но я все равно сомневаюсь, что мне известны все магические термины, и...

– Для этого у тебя есть я, – заметил Эрик.

Он опустил на подлокотник дивана и едва повел рукой. Над нами тут же вспыхнул магический светильник.

– Начнем с азов. Пожалуй, первое, что тебе стоит знать о проводниках...

Подтянула к себе бумагу, лежавшую на подставке, и чернильницу. Перьевая ручка оказалась на удивление удобной, не в пример той, что были у Вудвордов. Перо скользило по

листу с такой легкостью, словно я писала по шелку.

Я узнала о том, что проводников (таких, как мы с Эриком), в мире насчитывались единицы. Что в отличие от магов смерти (некромагов) и некромантов, мы не могли управлять глубиной тьмы, которая таится за гранью. Управлять не могли, зато могли видеть то же, что и они: обратную сторону жизни. Гранью называли пространство между миром живых и миром мертвых, где обитали призраки. То есть сгустки эмоций погибших на пике чувств людей.

Когда Эрик об этом рассказывал, по коже тянуло холодом. Оставалось только радоваться, что мой дар не настолько темный, как я считала в самом начале.

– «Таинства грани», – он указал на книгу. – В конце занятия прочитаем первые два параграфа. Вместе. Там самое начало, о подводных камнях, с которыми ты можешь столкнуться.

– Ты уверен, что я больше не смогу... – потерла ладони друг о друга. – Ну... никому навредить.

– Уверен, – произнес он.

– Но почему?

– Потому что магия жизни – единственное, что может запечатать проводника. Чем больше ты будешь осваивать свою силу, тем быстрее будешь отдаляться от грани. И от тьмы, которая способна прорваться через тебя в мир.

Теперь мне стало легче. Чуть-чуть.

– А пока я не отдалилась? Это же произошло из-за силь-

ного потрясения, и...

– А пока ты не отдалилась, Шарлотта, я буду рядом, – Эрик серьезно посмотрел на меня. – И не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. Ни с тобой, ни с кем-нибудь еще. Алаэрнит и связующий артефакт у тебя не просто так. Кстати, где они?

Ой.

В библиотеке повисла пауза. Тяжелая такая, давящая.

Эрик подался вперед и оперся ладонями о спинку кресла, заставляя меня вжаться в обивку.

– Ты не взяла их, Шарлотта? – негромко произнес он.

Так, что по коже побежали мурашки.

– Нет.

– Нет? Я правильно понимаю, что ты оставила камень мага и связующий артефакт, который я тебе дал для защиты, непонятно где?

– Не непонятно, – выдохнула я. Желание вжаться в спинку еще сильнее не помогало: кресло пружинило и выталкивало меня обратно к Эрику. – Они в моей шкатулке с драгоценностями...

– Шарлотта.

Он даже голос не повысил, но я вцепилась в подлокотники.

– Скажи пожалуйста, что непонятного в том, что тебе нужно постоянно носить защиту?!

Он не двинулся с места, но от его голоса по коже шел мо-

роз.

– Эрик, это произошло случайно!

– И какая же случайность заставила тебя пренебречь правилами безопасности?

Ирвин.

Это был Ирвин, который явился ко мне со своими новостями. Я почти собралась, мне оставалось только незаметно прикрепить этот связующий артефакт и взять с собой кольцо с камнем, но после встречи с Ирвином все вылетело из головы.

Все, кроме мыслей об Эрике, и...

И об этом я ему сказать не могла.

– Я просто забыла.

– Просто забыла, – повторил он.

Оттолкнулся от спинки кресла и выпрямился, но дышать почему-то легче не стало. Возможно, из-за грозовой бури в потемневших глазах. Мне кажется, я уже начала различать, когда они темнеют так, что жить можно, а когда лучше прятаться под стол. Вот сейчас мне хотелось сделать второе, но что-то подсказывало, что это не поможет.

– Эрик, но мы же собирались в театр с тобой! Что может случиться, когда ты рядом? – я чуть подалась вперед и закусила губу.

– В экипаже ты ехала без меня, Шарлотта. Сегодня на работе ты была без меня. Туда и обратно тоже добиралась без меня.

Он произнес это так, что я почувствовала себя маленькой и глупой.

– Вот именно! На работу! Я волновалась перед выходом на новую работу! – вскочила. – Ты хоть представляешь, что это для меня значит?! Я даже не вспомнила, что...

– По-твоему, новая работа серьезнее, чем пробудившаяся в тебе магия? – жестко спросил он. – Или чем то, что случилось на прошлой неделе?!

Вот теперь его взгляд обжег, насколько способно обжечь свинцовое небо.

– Спасибо, что напомнил! – огрызнулась. – А теперь, когда ты меня отчитал, может быть, продолжим?

– Непременно, – произнес Эрик. – После того, как ты отработаешь свое наказание.

Что?!

– За что ты хочешь меня наказать?! – выдохнула я. – За то, что так торопилась в театр, что забыла надеть артефакт?! Или за то, что слишком волновалась перед первым рабочим днем?

– За то, что ты пренебрегаешь мерами безопасности, – он шагнул ко мне, я отступила, но наткнулась на стул. – За то, что рискуешь собой. За то, что не слушаешься и не доверяешь мне, Шарлотта.

– Что?

– Не доверяешь. Мне, – повторил Эрик. – И этому мы тоже будем учиться. Повернись.

– Нет, – выдохнула я, чувствуя, как все тело охватывает дрожь.

– Ты хочешь продолжать обучение?

– Хочу, но...

– В таком случае тебе придется мне подчиняться. Иначе у нас ничего не получится.

– Подчиняться, доверять или слушаться? – поинтересовалась я, с трудом сдерживая сарказм.

– Все вместе.

Он не двинулся с места. Не пытался до меня дотронуться. Вообще ничего не делал, просто стоял и ждал, но это молчание и темный взгляд почему-то давили с каждой минутой все сильнее. Я чувствовала, как напряжение стягивается в узел где-то в груди, мешая дышать и мыслить здраво.

– Эрик, – прошептала я. – Давай сегодня обойдемся без наказаний. Ну пожалуйста. Всего один раз, и я обещаю, что больше никогда не забуду артефакт и камень. И вообще ничего не забуду, правда.

– Не забудешь, – подтвердил он. – Повернись, Шарлотта. Сказано это было спокойно и холодно.

Чувствуя, как все внутри скручивается от напряжения, повернулась.

– Что ты собираешься делать?

Голос не дрогнул, но я была к этому очень близка.

– Узнаешь. Подойди к столу.

Тут и идти-то особо не надо было, обогнуть кресло, из

которого меня выдернули... точнее, я сама себя выдернула, но мысли путались и разбегались. Он что, действительно хочет меня наказать? И что будет делать? Перед глазами почему-то вспыхнула клятая линейка, и я зажмурилась. Вцепилась пальцами в краешек стола.

Не станет же он...

– Эрик, ты...

– Шарлотта. Еще один вопрос, и наказания будет два.

От такого заявления задохнулась и решила, что вообще говорить с ним не буду. Вот не буду, и все. Обидно было дальше некуда, пусть даже я сама виновата, что забыла этот дурацкий артефакт, но я ведь правда собиралась его надеть!

Если бы знала, что все так будет, вообще не пошла бы в театр. И договор бы не подписала, и...

– Убери книги.

Пальцы почти не слушались, но я все-таки собрала книги и сложила их в две аккуратные стопки, чтобы не развалились.

– Теперь ложись. Поперек.

Я вцепилась в стол и замерла, из-за спины не доносилось ни звука. Ни звука, ни шороха, ничего, что вообще как-то определяло его присутствие. Тишина резала слух до той минуты, пока я медленно подалась вперед, коснувшись раскрытыми ладонями полированной поверхности. Сердце дергалось, сбиваясь с ритма и сбивая дыхание, но вместе с этим внутри рождалось какое-то странное чувство, понять кото-

рое я не могла. Будоражающее, заставляющее то плотнее сжимать губы, то покусывать их. Опускаться все ниже и ниже, вытягиваясь по столу струной. От тишины и неопределенности все чувства обострились настолько, что даже прикосновение ткани платья к коже ощущалось иначе... ярче.

– Теперь о наказании.

Шагов я не слышала, а значит, Эрик все еще стоял чуть поодаль.

– Чтобы ты больше ничего не забывала, будем тренировать твою память.

Что?! Облегчение нахлынуло одновременно с недоумением. Я решительно не представляла, как можно тренировать мою память в таком... гм, положении. А главное – зачем.

– Сейчас я буду рассказывать тебе основы магии жизни. Первое, что тебе нужно делать – внимательно слушать. Запоминать. Когда мы закончим, перескажешь мне все, что узнала.

А?

– Все время, что я буду говорить, ты должна оставаться неподвижной и молчать. Ни звука, Шарлотта. Если справишься со всеми условиями, наказание будет засчитано. Если нет...

«Я еще что-нибудь придумаю», – прозвучало невысказанное у меня в сознании.

Нет уж, лучше я ему основы магии жизни перескажу, лежа поперек стола.

– Ты все поняла?

– Да, – выдохнула недоуменно.

– Хорошо. Разрешаю держаться за край стола. Больше никаких движений.

За край стола?!

Я все равно решительно не понимала, что он собирается делать: до той минуты, когда сзади раздался скрежет отодвигаемого кресла, а потом мои юбки потянули наверх.

– Ты ненормальный! – вырвалось у меня.

За что ягодицу тут же ожег удар, отозвавшийся на коже огненной вспышкой.

– Я не разрешал тебе говорить, Шарлотта, – напомнил он. Не разрешал?! Говорить?!

Да он... он...

– Магия жизни. Армалы называли ее «Aelmaries viaene», что означает «Вечный свет», – его ладонь скользнула по пылающей ягодице, сминая ее через ткань панталон. Не знаю, почему это вышло так остро: я вздрогнула всем телом, вовремя подавив желание дернуться. – На самом деле эта сила действительно самая светлая, которую только можно представить. Раньше ее противопоставляли магии смерти, их природа действительно в чем-то схожа.

Эрик говорил так спокойно, словно я не торчала перед ним с задранными до пояса юбками. Все это было настолько дико, неправильно, ненормально... Мысли путались, не желая сходиться на его словах, стоило немалых усилий со-

средоточиться на том, о чем он говорит. Особенно когда он оставил в покое горящую ягодицу и скользнул пальцами между ног.

– И первое, и второе способно как возродить, так и уничтожить. Но если магия смерти обращается к глубине потусторонней тьмы, магия жизни проистекает из силы природы, из того, что принято называть жизнью, светом, всем сущим. Она берет свое начало из нашего мира, – Эрик поглаживал внутреннюю сторону бедер, заставляя чувствовать себя донельзя испорченной и развратной. Потому что мне это нравилось, нравились его прикосновения, нравились его ласки, сколь бы бесстыдными и порочными они ни были. – Хотя существует теория, что магия жизни – наследие элленари, как их называют в Энгерии.

Пальцы скользнули в разрез панталон, медленно прошлись между влажных складок, и вот теперь я действительно вцепилась в край стола. Закусила губу и зажмурилась, стараясь ничего не упустить.

– Магия жизни в большинстве своем применялась в возделывании земель, садоводстве и скотоводстве. Она очень плавная, – движения там, внизу, тоже были плавными, а если быть точной – плавающими. От его прикосновений хотелось выдыхать стоны, вместо этого я только сильнее сжимала пальцы. – Мягкая и естественная. Светлая, согревающая. Поэтому очень легко переоценить свои силы, особенно на первых порах. Особенно начинающему магу.

Мне не хватало воздуха: корсет давил на ребра чересчур сильно, хотя еще пять минут назад я этого почти не замечала. Вжимающаяся в поверхность стола грудь, отделенная от нее преградой верхнего и нижнего платья, стала невыносимо, болезненно-чувствительной. Хотелось дотянуться до нее, сжать в ладонях, перекатывая между пальцами напряженные соски.

Всевидящий...

Когда я успела стать... такой?!

– Маги жизни очень тонко чувствуют этот мир: природу, животных, людей. Они способны восстановить увядающие цветы, вдохнуть жизнь в засыхающее дерево или замерзший урожай.

«Хватит, – подумалось мне. – Хватит, или я сойду с ума».

Когда его пальцы касались чувствительной точки, по телу шла дрожь. Касались мягкими, круговыми движениями, бесстыдно-мучительными, от которых внутри все сладко сжималось и хотелось большего. Большого, хотя там все еще саднило, особенно когда я поднималась или садилась. Но ни за что на свете я бы не сказала такое вслух, не сгорев от стыда.

– Их общение с животными – это что-то уникальное...

Сам ты животное!

Бессердечное животное, которому доставляет удовольствие меня мучить.

– Общение на уровне магии, позволяющее чувствовать каждое живое существо. Его боль, страх, агрессию, привя-

занность – любую эмоцию. Не только чувствовать, но смягчать... – поглаживание стало почти невесомым. – Или усиливать. Именно поэтому со стороны кажется, что маги жизни понимают язык животных.

Движения стали более резкими, настойчивыми. Теперь уже мне хотелось кричать, от накатывающего волнами наслаждения: подступило – схлынуло – снова набирает силу. Недавно я сравнила Эрика с музыкантом, и сейчас в голову пришла абсолютная дикая мысль. Он играет на мне, точно зная, на какую клавишу я отзовусь, а какая понизит тональность.

– Поначалу их сравнивали с целителями, – пальцы сменялись ладонью, в которую невыносимо хотелось вжаться. Ладонью, которая замерла, заставляя считать секунды... или минуты промедления, превращая происходящее в иступленно-сладкую пытку. – Даже пытались доказать, что природа их магии берет свое начало от одного источника, но нет. Целители черпают силу...

Ладонь снова сменилась пальцами, и я вздрогнула. Эрик поглаживал вход в мое тело, заставляя все сильнее кусать губы. Желать продолжения и в то же время страшиться этого. Как же сладко, как же горячо...

А-аах...

С ужасом напряглась, понимая, что выдохнула стон.

И не только. Кажется, даже упустила что-то, потому что следующая его фраза никак не была связана с предыдущей:

– ... то, что способно навредить окружающим.

А потом все прекратилось.

Вместо пальцев по чувствительным складкам скользнул прохладный воздух, я услышала шорох оправляемых юбок и его голос:

– Поднимайся, Шарлотта.

Что... что-о-о?!

– Поднимайся, – повторил он в ответ на незаданный вопрос.

Кое-как оттолкнулась дрожащими ладонями от стола, выпрямилась. Чувствуя, как пылает лицо, как пылает внутри, как низ живота тянет – болезненно-остро – неудовлетворенным желанием. Повернулась к нему, но его лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Вот совсем, словно из камня вылепили.

– Садись.

Холодный приказ.

– Продолжим занятия.

Садись?! Продолжим занятия?!

Меня так потряхивало, что дыхания не хватало. Я схватила первый попавшийся под руку том и со всей силы шмякнула им Эрика по голове.

То, что произошло, поняла только в тот момент, когда книга вырвалась из моих рук и свалилась на пол.

Между нами.

Перевела взгляд на лицо Эрика, который смотрел на ме-

ня. Смотрел очень пристально, и если до этого я собиралась спрятаться под стол, то сейчас нужно было бежать. Бежать, при том очень быстро, в сторону улицы.

Только я больше бежать не собиралась.

– Кто я тебе, кукла?! – выдохнула севшим голосом. – Игрушка, которую можно приласкать, а потом ударить побольнее?!

По сути, мне и бежать-то особо некуда, даже второй дом, где сейчас все мои вещи, принадлежит Тхай-Лао. А Тхай-Лао целиком и полностью на его стороне, в этом я сегодня убедилась. Воля Эрика для него закон, вот уж кто наверняка подчиняется по полной!

– Когда я соглашалась на обучение, – сжала кулаки. – Я доверилась тебе. Ты говоришь о доверии, но о каком доверии может идти речь, когда я не знаю, чего от тебя ждать?! Что тебе взбредет в голову в следующую минуту?

Дыхания не хватало, глаза немного жгло, но я все равно продолжала говорить:

– Нравится?! – прошептала, указывая на книгу. Прошептала, потому что боялась, что просто позорно разревусь. – Нравится неожиданно получить по голове, когда совсем этого не ожидаешь?!

Терять мне все равно было уже нечего: если за повышение голоса или забытую побрякушку полагается наказание, то после такого... Пусть даже я сделала это неосознанно, сейчас ни капельки об этом не жалела! Пусть внутри все сжима-

лось, решительно шагнула к нему, оказавшись лицом к лицу. Пусть знает об этом.

Пусть знает, что я его не боюсь!

– Это все? – холодно поинтересовался он.

Так холодно, что меня даже внутри охватил озноб. Я поняла, что сейчас меня спеленают заклинанием, а потом продолжат начатое. И хорошо, если здесь, а не в ванной, с бамбуком.

Подавила желание отступить, глядя в свинцовую грозовую хмарь.

– Начнем с доверия, – жестко произнес Эрик. – Я доверил тебе камень, принадлежащий моей семье. Камень, которых в мире остались считанные единицы, остальные либо потеряли силу, либо безвозвратно утеряны. Почему? Потому что после того, что случилось, мне нужно было знать, что ты в безопасности. Что твоя магия не вырвется бессознательно, вытягивая из тебя силу. Что тебя снова не попытаются увезти, причинить вред, так или иначе. Для этого я дал тебе связующий амулет, которым ты просто-напросто пренебрегла. Потому что для тебя это неважно.

Открыла было рот, чтобы возразить, но он не позволил.

– Дальше. Доверие – есть доверие, Шарлотта. Ты либо доверяешь, либо нет. Безо всяких условий. В противном случае это не доверие, а тонкий расчет на видимость благополучия, которую нам вбивают в голову с детства. Доверие – это возможность повернуться к человеку спиной, закрыть глаза

и позволить ему делать все, что угодно. Зная, что он не причинит тебе вреда.

Пальцы Эрика легли на мой подбородок, не позволяя отвернуться.

– И последнее. Принимая правила, Шарлотта, нужно их соблюдать. Ты подписала договор, но постоянно пререкаешься, споришь, пытаешься защищаться. Та же ситуация с наказанием. Ты согласилась, когда сказала: «Да». Ты признала, что понимаешь и принимаешь мои условия.

– Тебе не приходило в голову, что это может быть мне неприятно? – сбросила его руку. – Что я не хочу чувствовать себя вещью, которую... которую используют!

Взгляд его потемнел до черноты.

До черноты, в которой отразилась я сама, взволнованная и бледная.

– Тебе было неприятно? – он жестко посмотрел на меня. – Я сделал тебе больно?

Больно? Нет, это не было больно. Даже тот шлепок отзвучался румянцем на щеках и желанием продлить бессовестные ласки, но сейчас я бы ни за что себе в этом не призналась, а особенно – ему!

– Нет.

– Тогда в чем дело?

В чем?

– В том, что я не хочу, чтобы меня наказывали!

– Со мной иначе не получится, Шарлотта.

– Почему?!

– Потому что мне нужны такие игры. Мне нравится, когда ты мне доверяешь. Себя.

Я или Камилла? Или это неважно?

К счастью, это всего лишь мысли.

Не более настойчивые, чем мысли о том, что...

«Он любит причинять женщинам боль».

Такие игры он сейчас подразумевает?

– А если они не нужны мне, Эрик? Если меня это пугает?

Мне и правда не по себе. Настолько не по себе, что даже дрожь проходит по телу, но я ведь знала все заранее, правда?

– Значит, я просто поторопился.

– Просто поторопился?

– В этом нет ничего страшного. Остается один главный вопрос: доверия. Я больше не буду его задавать, Шарлотта. Тебе нужно решить самой.

Решить – что? Хочу ли я повторять за ним магическую теорию, пока он меня ласкает? Сгорать от желания, когда отталкивает за миг до накатывающего волнами наслаждения и приказывает садиться? Или это только начало? Определенно, это только начало.

Ото всего этого просто голова идет кругом.

Передо мной мужчина, который спас мне жизнь. Мужчина, который был так нежен со мной прошлой ночью. Мужчина, которого я не могу понять, как ни стараюсь.

– Я хочу домой, – говорю я.

– Домой?

– Да. Сегодня. Сейчас.

Мне нужно время, чтобы подумать. Этого я не говорю, но подразумеваю.

Не уверена, что у меня есть дом. Как назвать то место, где я еще ни разу не была? Мансарда и то была роднее: по крайней мере, там я себя чувствовала свободной. Свободной от странной тьмы, которая временами ложится на мои плечи, когда я рядом с ним. Свободной от этих странных игр и непонятных желаний, которые разрывают меня на части. Свободной от сомнений, которых во мне сейчас гораздо больше, чем ответов на них.

И в то же время тогда я не испытывала этой странной тоски, которой тянет под сердцем, когда я представляю себе, что Эрика в моей жизни больше не будет.

Это откровение ударяет навывлет, так остро и больно, что на глаза действительно наворачиваются слезы. Глупое чувство: когда и как оно проросло во мне? Осознание только добавляет сомнений, и вот теперь это уже точно – перебор.

– Хорошо, – он смотрит на меня как-то странно. – Сейчас я отвезу тебя и Сюин.

– Не надо. Просто вызови нам экипаж. И пожалуйста, позволь его оплатить самой.

– Ты помнишь условия договора, Шарлотта?

– Помню, – это выходит резко. – И там нет ни слова о том, что я должна принимать от тебя подарки или денежную ком-

пенсацию. Я – твоя ученица, Эрик. Возможно, любовница. Но я не твоя содержанка.

В жестком прищуре жесткий отказ, но я тоже умею быть жесткой. Или учусь. Я ведь хорошая ученица.

Спокойно смотрю на него и жду.

– Сегодня, Шарлотта, – говорит он неожиданно, – тебе можно все. Но только сегодня. Мы поговорим обо всем завтра, когда ты успокоишься.

Завтра.

Не знаю, что будет завтра, но сейчас мне хочется только одного: обнять мисс Дженни, уткнуться носом в густую шерстку и спать. Спать без снов, в которых я буду оплетена веревками, которые позволила накинуть на себя сама.

Эрик

Шарлотта ушла, и сразу стало пусто. Настолько пусто, насколько вообще способен чувствовать пустоту тот, кто сам ею является. В его жизни слишком долго не было места тому, что он испытывал сейчас, возможно, именно поэтому подобрать этому определение не получалось. В том, что на любовь не способен, Эрик убедился окончательно и бесповоротно. Страсть, наваждение, болезненное помешательство – возможно, но только не любовь. Столько света не найдется даже в этой девочке. Столько света, чтобы развеять бесконечную тьму, клубящуюся внутри.

А ведь вчера ночью он почти поверил в то, что это возможно. Почти поверил, когда прижимал ее к себе: спящую, безумно прекрасную и еще более желанную даже после такой неистовой умопомрачительной близости. Казалось невозможным хотеть ту, которую только что получил (как бы мерзко это ни звучало), но он хотел. Хотел еще больше, чем до того, как по-настоящему прикоснулся к ее чувственной нежности. Откровенной, искренней, безусловной, с какой ни разу в своей жизни не сталкивался.

Она отдавалась ему, не думая о том, что будет потом.

Завтра.

Через месяц или через год.

Отдавалась, ничего не требуя взамен.

Отдавалась так неистово и так безрассудно, как, наверное, способна только она.

Чуть позже, засыпая в его объятиях, Шарлотта улыбалась. Вглядываясь в эту улыбку, Эрик почти позволил себе поверить в это счастье.

Пока не пришел новый приступ.

Приступ, которого не случалось долгие годы. До встречи с ней.

Тщательно запертые чувства не позволяли клубящейся тьме и безумию прорываться в этот мир. Мерзость, которая подтачивала его изнутри, гнилые страшные мысли, жестокость и собственное проклятие, именуемое смертью. Он даже не сразу понял, что произошло, когда в ушах зашумело.

Отчетливо ощущалась лишь пульсация под пальцами: ниточка тонкого пульса на ее запястье. Желание сдавить хрупкие руки в браслетах пальцев, впиваться в губы не поцелуями, а укусами. Слышать не стоны, а крики, снова и снова грубо врываясь в это хрупкое тело, жестко и яростно. Желание темное, как он сам, обрушилось на него вместе с рвущейся на свободу тьмой.

Разжав руки, отпрянул от сладко спящей Шарлотты, сдержав себя с кровати.

Из зеркала на него смотрело отражение собственного безумия: залитый золотом взгляд и черная радужка, неестественно-жуткие глаза на бескровном лице и судорога, сводящая пальцы. Голова разрывалась от боли, недавняя нежность, от которой сжималось сердце, отзывалась внутри лишь глухим раздражением.

Усилием воли вытолкнул себя за дверь, направляясь к дальней лестнице. Перила крошились под текущей с пальцев магии искажений, позолота осыпалась во тьму, как искры золотой мглы, раскалявшей его изнутри.

Образ Шарлотты неожиданно возник перед глазами: припухшие от его поцелуев губы, широко раскрытые глаза, высоко вздымающаяся грудь. Мысленно он снова был с ней, впиваясь зубами в нежную кожу и оставляя на ней ожоги укусов. Крики, да-а-а... ее крики были бы самой сладкой музыкой. А после он с удовольствием посмотрел бы в ее глаза, чтобы спросить:

– Я нравлюсь тебе таким?

Настоящим, Шарлотт-а-а-а... Ты же хотела увидеть меня без маски.

Сквозь окутывающее разум безумие прорывалась одна мысль.

Нельзя.

Нельзя думать о Шарлотте.

Только не о ней и не о той нежности, с которой все началось.

Лестница натужно заскрипела, когда с ладоней сорвалась магия и ударила в ступеньки. Хруст и шипение, он перешагнул через проломленные оплавленные доски, представляя водопад.

Потоки ледяной воды, обрушивающиеся с высоты с немыслимой силой.

Спокойствие. Концентрация. Никаких чувств.

Глубокий вздох – и воздух снаружи показался раскаленным. Он знал, что это действие золотой мглы. Знал, поэтому выдох сорвался с губ облаком солнечных мерцающих искр.

Шаг, еще шаг. И еще.

Коридор показался бесконечным, а новый поворот привел к мастерской. Толкнув двери, ввалился внутрь, зажигая магические светильники. Они растеклись по кругу, и тогда Эрик тяжело оперся ладонями о стену, выравнивая дыхание. Приступ миновал, но в памяти отчетливо звучали собственные мысли.

Шарлотта.

Обнаженная.

Растянутая на веревках, оплетающих ее тело. Кричащая под ним от черной животной страсти... или от страха.

От боли.

Золото перед глазами еще сменяло тьму, но безумие уже отступало. Отступало, унося за собой обломки разбившихся о берег реальности надежд. С какой стати он решил, что ему позволено испытывать нежность? Джинхэй предупреждал, что любое сильное чувство разрушит хрупкую плотину контроля и приведет к непредсказуемым последствиям.

Нельзя позволить этому случиться.

Особенно теперь, когда рядом с ним она.

В такие минуты он предпочитал находиться не здесь, в сыром ледяном подполе, возвращающем трезвость ума. Там, где можно разрушать, не причиняя вреда никому, кроме себя.

Сегодня обошлось, но что будет завтра?

Что случится завтра, если он еще раз позволит себе окунуться в такую светлую, отчаянную, яркую нежность этой девочки?

Оттолкнувшись от стены, пошатнулся и направился к прикрытому тканью мольберту. Сбросил ее, отшвырнул в сторону и задохнулся от обрушившихся на него чувств.

Шарлотта.

Обнаженная.

В оплетающих тело веревках, но все равно удивительно светлая.

Он смотрел на картину, смотрел на *нее* до тех пор, пока вместо чувств не осталась одна ледяная пустота, с которой он давно стал на «ты». Только после этого опустил на стул, потянулся к палитре и принялся смешивать краски. Банка с водой, которая всегда здесь стояла (на всякий случай), подчиняясь магии проскрежетала по полу, расплескав половину содержимого.

Закончить оставалось всего-ничего, и сделать это стоило сейчас.

Прямо сейчас убедиться в том, что Шарлотте в его лице больше ничего не угрожает, что он сможет смотреть на нее и держать себя в руках.

Что он никогда не позволит собственной тьме коснуться ее.

Вынырнув из воспоминаний, отодвинул портьеру. Она шла вместе с Сюин к экипажу, который просила вызвать. Шла, расправив плечи и вскинув голову, считая, что ему нет никакого дела до того, что между ними произошло. Вряд ли она понимала, что происходящее между ними сейчас – большее из того, что он может себе позволить.

Себе.

Ей.

Им двоим.

Нет, он никогда ее не отпустит. Пусть даже никогда не

сможет ей дать больше того, что есть.

Отец называл его ничтожеством, но он ошибался.

Не ничтожество.

Чудовище.

Вот что он такое.

И этого не изменить никому.

– Не представляю, каким нужно быть идиотом, чтобы такое написать, – Джон отшвырнул газету в сторону, а Ричард тактично кашлянул. Молодой человек взглянул на меня и слегка покраснел. – Прости, Шарлотта.

В нашей художественной мастерской мы еще вчера договорились называть друг друга по именам, и, признаться честно, это мне нравилось. Никаких тебе официальных «мисс Руа», «мистер Фард» и «мистер Рэнгхольм», никаких отстраненных взглядов, каменных лиц и напускной вежливости, за которой непонятно что скрывается. Все просто и легко.

Если бы все было так просто и легко.

– Ничего страшного, – я махнула рукой и тыльной стороной запястья заправила выбившуюся из прически прядь за ухо. – Что там написали-то?

Джон скривился.

– Очередное дерь... Прости, Шарлотта.

Ричард расхохотался.

– Джонни у нас известный сквернослов, но кажется, ему придется справляться с этой вредной привычкой. Иначе весь день будет повторять как заведенный: «Прости, Шарлотта».

Джон ткнул его локтем в бок: точнее, попытался, потому что Ричард увернулся и, хохоча, направился к разложенно-

му на полу эскизу. Темноволосые, невысокие и коренастые, они были чем-то неуловимо похожи. Возможно, из-за того что слишком долго работали вместе, переняли друг у друга повадки, жесты и даже отчасти мимику. Если не присматриваться, мужчин можно было бы принять за братьев. Ричард старший, а Джон младший.

Улыбнулась собственным мыслям, подняла валяющуюся на полу газету и развернула. Впрочем, долго на моем лице улыбка не продержалась, померкла, стоило увидеть заголовок.

«Скандальная труппа, поджав хвост, бежала из Лигенбурга»

Пусть я и знала, что ничего хорошего там уже не увижу, все равно зачем-то продолжала читать.

«На прошлых выходных случился грандиозный конфуз: спектакль «Лацианские страсти», который давала приезжая труппа, был встречен энгерийцами очень и очень холодно. Неудивительно, ведь тема, которая в нем поднимается, в любом приличном обществе достойна осуждения и порицания.

В этой бесстыдной пьеске рассказывается о гулящей женщине, которая мало того, что согласилась стать содержанкой, так впоследствии еще и изменяла мужчине, вы-

нужденному взять на себя бремя заботы о ней. Разумеется, оправдывать подобное поведение со стороны мужчины было бы с нашей стороны ханжеством...»

С губ сорвался смешок. Я подавила желание отшвырнуть газету, как это только что сделал Джон: ханжеством в этой статье была пропитана каждая строчка. Тем не менее из какого-то чистого упрямства я продолжала это читать.

«Достойным финалом для такой мерзости стало бы раскаяние или гибель распутницы, чей образ жизни порочит каждую достойную женщину, вынужденную смотреть этот ужасный фарс...»

Да, вне всяких сомнений каждую достойную женщину в зрительном зале просто гвоздиками к креслу приколотили, ну или малярным клеем приклеили. Другого объяснения, почему они просидели до конца спектакля, я найти не могла.

«Разумеется, весь высший свет и прочие зрители были шокированы подобным, поэтому аплодисментов горе-актеры не дождались. Единственную попытавшуюся встретить этот позор овациями быстро вывели из залы, чтобы избежать позора».

Отшвырнуть, говорите?

Теперь мне захотелось разорвать эту газету на мелкие клочки и затолкать написавшему это журналисту в... В то место, на котором он сидел, когда сочинял эту пафосную мерзость.

– Шарлотта, у тебя выражение лица какое-то кровожадное, – заметил Ричард, который дорабатывал верхнюю часть фасада.

– А я говорил: не читай, – хмыкнул Джон, растушевывая оконную раму.

Еще немного, и я начну выражаться не хуже него, поэтому глубоко вздохнула и мило улыбнулась.

Пробежала глазами последние строчки:

«Маэлонские развратники уносили из Энгерии ноги под свист и улюлюканье. В гостинице, где они остановились изначально, им отказали в номерах, пришлось перебраться в место подешевле и попроще, чьи владельцы были не столь щепетильны. На следующее утро они уехали дилижансами, не дожидаясь поезда.

Пусть эта история станет хорошим уроком всем тем, кто...»

Я услышала какой-то странный звук и не сразу поняла, что газета развалилась на две части. Точнее, я ее разорвала: это выяснилось, когда я перевела взгляд на неровные половинки.

– Туда ей и дорога, – фыркнул Джон. – Этой макулатуре. Пойдем лучше эскиз делать. Скоро Стейдж явится, а мы тут чай гоняем.

Швырнула «Светоч» в корзину для мусора и поднялась, следом за коллегой.

Чай мы и правда пили, здесь такое не возбранялось. С очень вкусным печеньем, которое испекла жена Джона, и пирожками, которые готовила мама Ричарда. Последнее вообще пришлось очень кстати, потому что проснулась я абсолютно без аппетита и завтракать дома не стала. Вчера вечером думала, что засну, стоит мне остаться одной и накрыться одеялом, вот только этим мечтам не суждено было сбыться. Мисс Дженни пришла убаюкивать меня теплым мурчанием, но убаюкалась сама. Я же еще полночи ворочалась с боку на бок, пытаюсь уложить в голове все случившееся.

Укладывалось оно плохо.

Эрик вел себя так, словно происходящее было для него абсолютно естественным. Естественно задрать мне юбки и приказать молчать, естественно прервать ласки и вернуться к занятиям, как ни в чем не бывало. Нежность и жесткость, а если уж посмотреть правде в глаза – жестокость, свет и тьма переплетались в нем таким причудливым образом, что понять какой он настоящий, просто не представлялось возможным.

Любые попытки поговорить о нем пресекались и откладывались на потом.

Взять хотя бы тот случай в театре, когда я попыталась расспросить его о странном поведении де Мортена. Почему они смотрели друг на друга, как два зверя, подобравшиеся перед прыжком. Хотя нет, герцог больше напоминал охотника, опытного и знающего гораздо больше, чем остальные. Не считая мишени. А мишень в ту минуту сжимала пальцы на трости, внутри shaft которой скрывалось от посторонних глаз смертоносное лезвие.

– Шарлотта, ты сегодня все утро в облаках витаешь, – заметил Ричард.

– Влюбилась, что ли? – поддел Джон.

Что?!

– Да точно, у моей сестры такой же взгляд был, когда она с будущим мужем познакомилась, – заметил Ричард. – Все время о нем думала.

Ну... надеюсь, у его сестры не было таких вопросов, какие сейчас возникали у меня.

И очень надеюсь, что ее будущий муж не собирался ее наказывать.

«За одно это тебя стоило бы выпороть».

Резкий, хлесткий, разрывающий воздух удар бамбукового стебля.

Он что, реально этого хочет?

Хочет проделать это со мной, и чтобы я считала удары?

Рука сама потянулась к подколотовой на платье броши, точнее, связующему артефакту. Алаэрнит лежал в ридикюле,

надевать его в мастерской я не решилась: не дай Всевидящий испачкаю. Даже думать не хочу, что за такое полагается, я же так небрежно отношусь ко всему, что он мне говорит! И выдает, высочайшей Орманской милостью.

А я должна слушать, внимать и подчиняться.

На последней мысли к щекам прилила кровь, я решительно запахла халат и занялась делом.

– Эй, ты обиделась? – Джон легонько коснулся моего плеча. – Мы же не со зла. Не хотели тебя смутить, слышишь?

– Прости, Шарлотта! – громогласно заявил Ричард.

Так возвышенно и скорбно, что мы не выдержали и расхохотались.

Даже я, хотя мне в общем-то было не до смеха. С утра кусок в горло не лез именно из-за предстоящей встречи с Эриком.

Его слова: «Сегодня тебе можно все», – до сих пор отдавались дрожью во всем теле.

А завтра?

То есть уже сегодня, которое неумолимо приближалось, с каждой уходящей в прошлое минутой. Утром я так переволновалась, что едва не забыла шляпку, о ней мне напомнила Сюин. Не говоря уже о том, чтобы рассмотреть свой новый дом, он сливался перед глазами в череду небольшого холла, уводящей на второй этаж лестницы, коридора и дверей. Впрочем, дверей было не так много: в отличие от особняка Эрика, этот казался совсем крохотным. Ванная комна-

та была одна на этаж, а отведенная мне спальня показалась светлой и уютной.

Удивительно, но здесь я чувствовала себя спокойно.

Насколько это вообще возможно.

– Не обиделась, – решила сменить тему. – Просто эта статья...

– Так ты о ней думаешь? – хмыкнул Ричард.

– Не о ней. О людях, которых выгнали из страны ни за что.

– Почему же ни за что? Они просто осмелились показать Энгерии историю запретной любви. Общество такого не прощает.

– Общество у нас вообще мало что прощает, – заметила я.

Джон пристально на меня посмотрел.

– Это правда. Я читал о твоей картине, Шарлотта.

Вздрогнула и подняла на него глаза.

– И что думаешь?

– Думаю, что это было очень смело.

– По крайней мере, меня не выгнали из страны со свистом и улюлюканьем.

– Это радует, – серьезно ответил Джон.

Мы замолчали и сосредоточились на работе. Точнее, на работе сосредоточились мужчины, изредка отвлекаясь, подсказывая мне, что и как делать. Я же при всем желании не могла перестать думать про Эрика.

И про то, что меня ждет в самом ближайшем времени.

Впрочем, когда появился мистер Стейдж, думать стало

особо некогда. Под его руководством мы продолжали работу над эскизом, и честно говоря, я даже не представляла, сколько всего еще не знала о том, чем мне предстояло заниматься. Что уж говорить о магии.

Хотя о магии сейчас точно лучше не думать.

Погрузившись в работу, я сама не заметила, как пролетело время до обеда. Мужчины снова усадили меня с собой за стол, как я ни пыталась этого избежать и сбежать на улицу, в небольшую хлебопекарную лавочку неподалеку, где можно было купить пирожков.

– Зачем покупать пирожки, когда пирожки уже есть? – задал резонный вопрос Ричард.

– Потому что мне стыдно. Я второй день подряд вас объедаю...

Джон хохотнул, но Ричард посмотрел на него так, что он плотно сжал губы и сделал вид, что оценивает доработки в своей части эскиза и за что браться в первую очередь.

– Вообще-то, чтобы нас объесть, тебе придется сильно потрудиться, – сурово произнес мужчина. – И если я еще раз услышу что-то подобное, серьезно обижусь. Понятно?

Он так строго на меня посмотрел, что мне мигом расхотелось спорить. Ладно, сегодня приготовлю что-нибудь, а завтра им принесу. Успокоив себя этой мыслью, села за обед: помимо пирожков в меню было жаркое и суп. Супа вкуснее я вообще не ела, он был густой, совсем не наваристый, зато с овсянкой. А вот Джон трудов жены не оценил:

– Вечно выдумывает что-нибудь... начитается всяких рецептов в этих модных журналах, – пробурчал он. – Или от подружек притащит...

– А по-моему, очень вкусно, – заметила я.

– По-твоему, – буркнул он. – А мясо где? Мяса здесь нет!

– Не в мясе же дело, – заметила я, – а во вкусе.

– С такого вкуса я через пару дней ноги протяну...

– Ну, тебе это точно не грозит, – расхохотался Ричард. – У тебя запас на три года вперед.

– Кто бы говорил!

– А вот Шарлотту точно надо кормить. Как ее только ветром не сдувает?

– У меня каблуки тяжелые.

В таких дружеских перепалках и подтруниваниях мы продолжали обедать, а потом и работать. Разумеется, когда мистер Стейдж был с нами, вели себя гораздо более серьезно и официально, но даже его появление не приносило неловкости. Высокий, полноватый, с первой сединой в волосах и светло-голубыми, слегка навывкате, глазами, он сразу производил впечатление человека добродушного. Хотя и строгого, когда дело касалось работы, но если у Вудвордов я постоянно оглядывалась, как бы не сказать что-то не то, здесь такого напряжения не возникало.

Я чувствовала себя спокойной, а еще... счастливой.

По-настоящему счастливой, потому что создавала декорации к спектаклю.

К спектаклю, который увидит множество людей, и пусть работа над декорациями остается в тени, это ощущение причастности к чему-то волшебному заставляло сердце петь.

Вот только стоило мистеру Стейджу объявить, что работа закончена, все вернулось.

И волнения, и вопросы, и сомнения.

Последних было особенно много, поэтому когда я шла к выходу из театра, руки слегка подрагивали. Колени тоже, а заодно и что-то внутри.

А ну соберись, Шарлотта. Нельзя же быть такой трусихой!

«Можно», – тоненько пропищало что-то внутри.

Ну дожили, я уже сама с собой разговариваю.

Резко потянула на себя дверь, задохнувшись от колючего ветра, ударившего в лицо. А может быть, от прямого взгляда в упор: на противоположной стороне улицы, опираясь на трость, стоял Эрик. И вот к этому я совершенно точно была не готова.

Думала, что снова столкнусь с Тхай-Лао, который поможет мне подняться в экипаж, и у меня будет еще около часа времени до Дэрнса, чтобы обо всем подумать. Предполагала, что за мной пришлют наемный экипаж, который, разумеется, будет уже оплачен. Или...

Что там насчет «или», додумать я не успела, потому что Эрик направился ко мне. Колени почему-то задрожали еще сильнее.

– Здравствуй, Шарлотта.

Понятно, почему. Этот голос, низкий и обволакивающий, напрочь отключал разумную часть меня. Если она, конечно, вообще во мне есть.

– Здравствуй, – ответила негромко. – Почему ты приехал сам?

– А не должен был?

– Не знаю.

Я уже вообще ничего не знаю и не понимаю.

– Пойдем в машину, или так и будем здесь стоять?

Наверное, я могла бы: вот так, глядя ему в глаза. Даже несмотря на ледяной, продирающий до мурашек ветер и сырость, гораздо более страшную, чем самые сильные морозы. В такую погоду отчаянно хочется закутаться в теплый плед, сесть поближе к камину. С какой-нибудь уютной книжкой, например, с томиком стихов Жюстины Виаль, они у нее все безумно пронзительные, бьют в самое сердце.

Совсем как присутствие этого мужчины и его протянутая рука.

Раскрытый искренний жест.

– Пойдем, – шагнула ближе и положила руку на сгиб его локтя.

Хотя с ним можно было бы стоять и дальше. Те, кто меня просто снес бы с ног, если бы я так же осмелилась застрять посреди улицы в одиночестве, его просто-напросто обтека-ли (и меня вместе с ним). Бросали хмурые взгляды, что-то недовольно бурчали, но ни один не осмелился подтолкнуть

или наградить крепким словом, как частенько бывает на запруженных улицах Лигенбурга.

– Как прошел твой день?

– Хорошо.

Помнится, вчерашний разговор мы тоже начали с этого. И чем все закончилось?

Темная, с проплешинами грязи мостовая, в подступающих пасмурных сумерках казалась иссиня-серой. Почему-то вспомнилась «Девушка», с ее резким переходом из бесцветия в яркие краски.

«Девушка»!

– Эрик! – воскликнула я, когда он распахнул дверь. – В конце прошлой недели должна была закончиться выставка, и...

– Я уже обо всем позаботился. Картину доставят по новому адресу.

Облегченно вздохнула:

– Спасибо!

Он бросил на меня какой-то странный взгляд, и указал на сиденье. Нырнула в салон, где уже привычно пахло кожей, сандалом... им. Наверное, аромат сандала теперь никогда не будет восприниматься отдельно от него. Точно так же, как легкая примесь запаха дорогого коверкота и холодная горчинка стали.

Потерла руки друг о друга, пытаюсь согреть, но стоило Эрику сесть рядом и захлопнуть дверцу, в салоне сразу ста-

ло тепло. Воздух стремительно разогревался, как будто мы с улицы шагнули в заранее натопленную комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.